

КОНСТАНТИН КЕДРОВ

ПОЭМА ИСУСА
ОБ ИИСУСЕ

Константин Кедров
Поэма Исуса об Исусе

«Издательский дом Игоря Сазонова »

Кедров К. А.

Поэма Иисуса об Иисусе / К. А. Кедров — «Издательский дом Игоря Сазонова»,

ISBN 978-5-6050821-6-3

В этой книге Константина Кедрова Иисус Христос предстает не только Богочеловеком, но и великим поэтом, а весть о Сыне Божиим – созданной им поэмой о самом себе. Ее отголоски дошли до нас в текстах Нового Завета и древних песнопений. Такой взгляд не разрушает религиозный образ Христа, но обнаруживает в нем новые грани, особую поэтику, которая открывается, вероятно, лишь интуиции того, кто сам является незаурядным поэтом и мыслителем.

ISBN 978-5-6050821-6-3

© Кедров К. А.
© Издательский дом Игоря Сазонова

Содержание

ПОЭМА О СЫНЕ БОЖИЕМ	6
УСЫНОВЛЕННЫЙ	8
СВИДЕТЕЛЬ	11
ДВЕРЬ, ОТВЕРСТАЯ НА НЕБЕ	15
ОБРАЗЫ ИИСУСА	19
ПОЭМА О СЫНЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОМ – СЫНЕ БОЖИЕМ	23
ПОЭМА О НЕБЕСНОМ ЖЕНИХЕ	28
ДУХОВНЫЙ ПИР	33
ПОЭМА О ХЛЕБЕ НЕБЕСНОМ	37
ПОЭМА О БЛАЖЕННЫХ	42
ПОЭМА О БЛАЖЕННЫХ II	47
КАКИМ ОН СЕБЯ ВИДЕЛ	52
ПОЭМА О ВОСКРЕСЕНИИ	58
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Константин Кедров

Поэма Иисуса об Иисусе

Издано при содействии АНО «Уникум»

Издательский дом
ИГОРЯ САЗОНОВА

© Рисунок на обложке Виктор Орловский

© Дмитрий Кравчук

© Издательский дом Игоря Сазонова. 2024

* * *

ПОЭМА О СЫНЕ БОЖИЕМ

*И я узрел себя к тебе идущим
Из прошлого и будущего века.*

*И я услышал ангелов поющих:
«Я связь времен! Я Альфа и Омега».*

УСЫНОВЛЕННЫЙ

Любимый ученик Иисуса св. Иоанн Богослов был единственным из апостолов, кто не покинул Учителя даже в момент ареста и оставался у подножия распятия в момент страшной казни. Именно к нему обратился Иисус в последний час своей жизни, препоручив заботу о матери; «Се, Мать твою», – сказал он, указав на Марию. «Се, сын Твой», – сказал он, препоручая Марии св. Иоанна как сына вместо себя.

Этот обычай и сегодня еще существует в мире людей. Уходя из жизни, нередко обращаются к самым близким друзьям с просьбой взять на себя заботу о тех, кто им дорог. Иисус не просто просит своего любимого ученика взять на себя заботу о Деве Марии. Он поручает ему быть ей сыном.

Что значит это Слово в устах Христа – это надо еще осмыслить. Он не раз называл апостолов Сыновьями Божиими. А в своей молитве о чаше в Гефсиманском саду он прямо называет Бога Отцом. Сегодня мы настолько привыкли к этим словам, что уже не воспринимаем, как неожиданно – для одних, шокирующе – для других и свежо прозвучало откровение Иисуса о том, что Бог усыновил своих людей. Он призывает быть совершенными, как совершенен Отец Небесный, ибо он посылает свои лучи на праведных и неправедных. Себя Иисус называл и Сыном Божиим, и Сыном Человеческим. Нечто подобное он завещает любимому ученику – св. Иоанну, называя его сыном св. Марии. Вот почему Апокалипсис начинается такими словами: «Откровение Иисуса Христа, которое дал Ему Бог...» Автор Апокалипсиса св. Иоанн говорит о своем пророчестве, как об Откровении Иисуса, данном ему Богом. Будучи наречен на Голгофе сыном Марии, он принимает и понимает это усыновление во всей полноте. Отныне все происходящее с ним в духовном плане он воспринимает, как происходящее с Иисусом.

Усыновление словом – весьма распространенное явление на Древнем Востоке. Нареченный сын ничем не отличался от детей по крови. Средняя продолжительность жизни, не выходящая за пределы 35 лет, оставляла множество сирот. Однако в реальности почти все дети были усыновлены или удочерены. Дети в патриархальных обществах – величайшая ценность, гораздо большая, чем в современном мире. Вспомним, каким проклятием для Авраама была бездетность Сары. Благодать Божия – это прежде всего обильное потомство. Обещание умножить род, как песок морской, пронизывает всю Библию.

Сам Иисус был нареченным сыном св. Иосифа, с которым была обручена Дева Мария. Раньше считалось, что совершенно невозможно понять человеческим разумом, что такое непорочное зачатие. Действительно, духовная сущность этого единственного в мире события не может быть исчерпана земным умом. Однако замысел Бога на земле часто осуществляется по вполне природным законам. Прообраз непорочного зачатия – партеногенез – существует у шелкопряда. Правда, рождаются только женские особи. Но, скажем, у ящериц-амазонок, которые в основном размножаются партеногенетически, перед различными природными катаклизмами начинают рождаться самцы. Так что чисто теоретически в природе нет запрета на появление таким же образом особи мужской. Не вдаваясь в глубины великой биологической науки генетики, отметим лишь, что партеногенез в человеческом мире ни разу научно не наблюдался. Рождение Иисуса – случай единственный. Он Богочеловек не только в духовном, но и в биологическом смысле этого слова. Понадобилось вмешательство Высших Небесных Сил в структуру генетического кода Девы Марии, чтобы произошло непорочное зачатие.

Разумеется, это не просто партеногенез. Сам Бог, сотворивший Адама и Еву и весь мир, воплотился – полностью передал свою информацию в генетический код св. Девы Марии.

Хотя Мария была обручена с плотником Иосифом, она не была его женой по плоти. Замечу, что и это явление чрезвычайно распространено в Древнем мире. По самым различным причинам далеко не все браки были телесными. В данном же случае следует помнить, что и

Мария, и Иосиф были от колена Давидова. Согласно пророчествам, именно из этого колена и этого рода должен был родиться Мессия, Спаситель, Помазанник. Конечно, никто не знал, с кем именно и когда это произойдет, но все женщины и мужчины Назареи – потомки царя Давида – надеялись, что это может произойти в их семье. Говорилось в пророчествах и о том, что это будет не обычное рождение, а Рождество. Спасителя мира родит Дева.

Кроме библейских пророчеств были еще очень древние зороастрийские предсказания о том, что некая Дева, купаясь в озере Кайосэ, зачнет от Рыбы Спасителя мира. Иносказание это сегодня вполне понятно. Кайосэ – озеро Генисаретское, трансформация звучания здесь незначительная и вполне узнаваемая при переводе с одного языка на другой. Рыба – символ новой эпохи, когда весеннее равноденствие перемещается в созвездие Рыб. Это произошло на рубеже эпох, когда родился Иисус. Поэтому ранние христиане изображали Христа в виде рыбы. Кроме того, слово «рыба» по-гречески содержит начальные буквы словосочетания «Иисус Христос Сын Божий» (ихтиус – Иисус Христос теос Юпитера). Соединение Сатурна (отца) с сыном (Юпитером) произошло в 4 году до Рождества Христова (до новой эры), поэтому многие исследователи полагают, что Иисус родился именно в это время, на четыре года раньше, чем ныне считается. Впрочем, конкретная дата рождения не является вопросом каноническим. Дата Рождества условна. В любом случае редчайшее явление – соединение Сатурна с Юпитером – было истолковано астрологами как зримое воплощение отца в сына на небе, указание на то, что сын и отец – одно существо: единосущное, нераздельное и неслиянное. Это раннее истолкование – еще только шаг к пониманию единой троичности Отца, Сына и Святого Духа, но шаг в правильном направлении.

Неважно, является ли Вифлеемская звезда соединением Сатурна и Юпитера или, как я думаю, это соединение было только предвестием для астрологов, а Вифлеемская звезда зажглась в момент Рождества, возвещая человечеству неслыханное доселе событие. Ясно, что в небесных знамениях астрологи, пророки и тайновидцы прозревали великую тайну усыновления Богом всего человечества.

Разумеется, по происхождению своему мы и так являемся детьми Творца. Не только первочеловек, наш общий предок Адам, но и Ева сотворены самим Богом. При этом со всей ясностью сказано, что Адам сотворен «по подобию Божию». Как бы из того же самого генетического материала. Ева же творится из ребра Адамова, то есть из генетического материала Адама. Это не партеногенез, а нечто отдаленно напоминающее клонирование. При клонировании обычная клетка наделяется свойствами яйцеклетки. Каким путем это происходило, мы, конечно, не знаем, но современная наука все же о многом догадывается. Во всяком случае, многие библейские события сегодня выглядят и звучат намного правдоподобнее, чем в давние времена, когда человечество ничего не знало о генетическом коде.

Неслучайно существование генов – первоатомов жизни – открыл монах Мендель. Забавно, что общий порядок в мире неорганической материи на атомарном уровне навел человек по фамилии Менделеев, открыв свою знаменитую таблицу. Мендель открыл закономерности живого, нащупав тайны генетического кода. Мендель и Менделеев – фамилии одного корня, означающего единство. Теоретически еще философ Лейбниц говорил о монадах, неких материально-духовных первоатомах мироздания. Буддисты называли такие первоатомы дхармами. Современная наука говорит о генах и атомах, хотя гены содержат в себе миллионы атомов, а атомы, в свою очередь, состоят из неких призрачных субстанций, именуемых волны-частицы. Они не волны и не частицы, но на поверхность реальности их можно извлечь либо в виде частицы, либо в виде волны.

Можно ли назвать Адама сыном Бога по плоти? Конечно же, нет. Бог есть Дух. Этот Дух жизни он вдохнул в плоть, и она ожила. Это означает, что сам по себе генетический код не работает. Генетики до сих пор не знают, почему функционируют гены, считывая информацию друг у друга. Но Библия совершенно четко говорит, что и творение мира, и сотворение

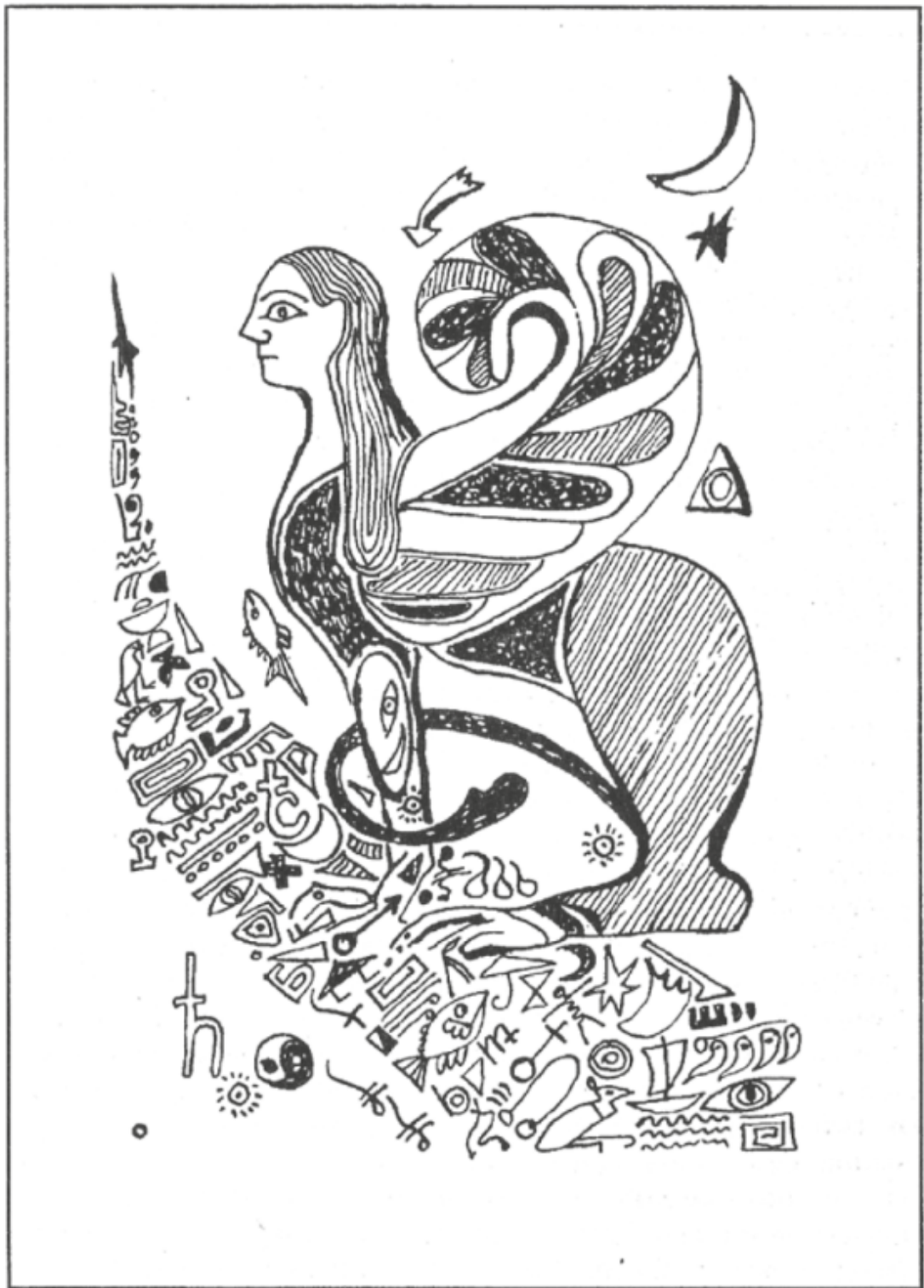
человека совершается Словом: «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог». Именно в Евангелии от Иоанна открыта великая тайна сыновней природы Слова. Слово – Логос, которое в начале и которым все творится и все начало быть, является Иисусом Христом Сыном Божиим. Только зная эту тайну и чувствуя себя усыновленным самим Иисусом, Иоанн смог продиктовать своему ученику Прохору текст Откровения Святого Иоанна Богослова, или Апокалипсис. На Голгофе свершилась великая мистерия. Иисус своим словом нарек Иоанна сыном Девы Марии и тем самым наделил его благодатью Богоусыновления. Иоанн стал Сыном Божиим, конечно, не в том смысле, в каком был им сам Христос, а в том, в каком он называл апостолов Сынами Божиими. Своим отцовством Бог творил мир и человека, а своей сыновней ипостасью он воплотился и вочеловечился, родившись от Девы Марии. Таким образом, человеческая плоть смогла полностью и без остатка вместить в себя всю божественную природу. Иисус не только Бог, не только Человек, он Богочеловек. Он одновременно Бог-Сын, Бог-Отец, Бог – Дух Святой.

Как можно быть одновременно отцом и сыном? Генетический прообраз такого чуда – клон, а духовный – Слово. Вот что говорит Иоанн в самом начале Апокалипсиса о Слове: «Откровение Иисуса Христа, которое дал Ему Бог... И Он показал, послав оное чрез Ангела Своего рабу Своему Иоанну, который свидетельствовал Слово Божие и свидетельство Иисуса Христа...»

СВИДЕТЕЛЬ

Иоанн в Апокалипсисе «свидетельствует свидетельство». Он становится Божиим оком, прозревающим вместе с Иисусом будущую судьбу всего мира. Все, что он видит, он сначала слышит, как Слово Божие. Зрительные образы являются истолкованием Слова. Это очень напоминает сотворение Богом мира и человека. Все, что возникло, Бог творит Словом, но изначальное Слово – это еще и Логос, Сын Божий, Иисус Христос. Иисус является не только Богом-Отцом и Святым Духом, первотворящей причиной мира, но и Сыном Божиим, воплощенным Богочеловеком. Но это только в земном времени. Он воплотился в первом веке, был распят Пилатом Понтийским и воскрес в третий день. По другому, вселенскому, отсчету все это было и будет «прежде всех век», поскольку Бог предшествует самому времени. Он его сотворил вместе со всей вселенной. Поэтому Иоанн говорит не о предсказании будущего, а о свидетельстве Иисуса. Бог видит одновременно прошлое, будущее и настоящее. Слово «свидетельство» есть и в начале Евангелия от Иоанна. Там Иоанн Богослов говорит об Иоанне Крестителе, что он не был Свет, но «свидетельствовал о Свете». Подобным же образом Иоанн Богослов сам не является свидетелем будущего. Он «свидетельствует свидетельство» Иисуса. Иисус передал Иоанну Богослову свое свидетельство о будущем мира, как до этого передал ему свое сыновство, препоручив ему быть сыном Девы Марии.

Когда Бог общался с Моисеем, он был невидим для его глаз. Моисей слышал только голос. После воплощения по земному времени произошло чудо. «И Слово стало плотью и обитало с нами, полное благодати и истины». После вознесения Иисус перестал быть видимым для человеческого ока. Теперь общение с ним осуществлялось через Святого Духа Утешителя. Святой Дух сошел на апостолов в виде огненных языков, и они заговорили на разных языках. Иоанн не видит своего Учителя воочию, как это было при жизни Иисуса на земле. Теперь он, как Моисей, только слышит голоса Ангелов. Поэтому в Апокалипсисе так часто звучит древняя шумерская поговорка: «Имеющий уши да слышит». Однако 90% информации проходит через зрение. «Лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать». Апокалипсис – книга зрения, вернее, прозрения. Иоанн Богослов был уже в преклонном возрасте. Его земное зрение было уже притуплено. Апокалипсис он не пишет, а диктует своему ученику св. Прохору. Значит, все зрительные образы книги открываются прежде всего духовному взору. Иоанн свидетельствует в Духе и Истине.

*Я книгу бытия разверз очами,
И горек был прозренья сладкий плод.
Но я прочёл, и я не сплю ночами,
Чтоб оживить дух, заточённый в плоть.*

К. Кедров

Это обстоятельство и смутило исследователей. Почему в Откровении автор говорит о своем Учителе какими-то абстрактными образами? Было даже высказано предположение, что на самом деле Апокалипсис написан раньше, когда Иисуса ждали, но он еще не появился в историческом времени. Однако, как всегда, право оказалось церковное предание. Откровение Иоанна – действительно последняя книга Нового Завета и самый поздний труд любимого ученика Христа. Он был сослан на отдаленный остров Патмос и «был в духе в день воскресный и слышал позади себя громкий голос, как бы трубный, который говорил: Я есмь Альфа и Омега, первый и последний; то, что видишь, напиши в книгу...»

Иоанн не просто говорит о голосе, который слышал, но даже дает вполне конкретное описание, как звучал этот голос, сравнивая его со звуком трубы.

Это замечание очень важно. Автор тем самым указывает, что для него это не просто мысленный образ, а вполне конкретное, поразившее его слух звучание. Дело происходит в Средиземноморье, в ареале древнегреческой культуры, где существовала давняя традиция общения с будущим именно через посредничество голоса. Был знаменитый Дельфийский оракул, где голос звучал из расщелины скалы и тоже отличался протяжной гулкостью. Голос звучит на распространенном в Средиземноморье диалекте греческого языка койе. Буквы греческого алфавита альфа и омега не оставляют в этом ни малейшего сомнения. Альфа – первая, омега – последняя буквы алфавита.

Сам алфавит символизирует полноту времен, вечность, которая замыкается по кругу буквами альфа и омега.

Дело в том, что греческий алфавит, как и все древние алфавиты, создавался из зодиакального круга. Буква альфа – это созвездие Тельца, сохранившее свои очертания в написании. Омега – созвездие Овна, примыкающее к Тельцу. Деление зодиакального круга носит чисто условный характер. Его можно разделить на любое количество секторов в соответствии с количеством букв в данном алфавите.

Обернувшись на голос, прозвучавший за спиной, Иоанн увидел семь золотых светильников и самого говорящего, подобно Сыну Человеческому, облеченного в подир – одежду священников и царей. Однако похожесть на человека вовсе не означает, что это был человек. Некое подобное человеку огненно-белое существо: «Глаза Его и волосы белы, как белая волна, как снег; и очи Его – как пламень огненный; и ноги Его подобны халколивану, как раскаленные в печи; и голос Его – как шум вод многих; Он держал в деснице Своей семь звезд, и из уст Его выходил острый с обеих сторон меч; и лицо Его – как солнце, сияющее в силе своей».

Трудно отказаться от мысли, что перед нами некий инопланетный посланец. Однако это был не кто иной, как сам Иисус Христос. Вот его слова, обращенные к Иоанну, не оставляющие ни малейшего сомнения: «Не бойся; Я есмь первый и последний. И живой; и был мертв, и се, жив во веки веков, аминь; и имею ключи от ада и смерти».

Множество художников не раз пытались изобразить того, кого увидел на Патмосе автор Откровения. Лицо в виде солнца с человеческим ликом, натуральный обоюдоострый меч, исходящий из уст, ноги в виде двух огненных столбов, похожих на солнечные лучи. Это видение отозвалось даже в футуристической поэзии Маяковского; «Ко мне, раскинув луч-шаги, шагает солнце в поле». Существует изображение Христа в царских одеждах, восседающего на огненном троне, с мечом, исходящим из уст. Однако следует помнить, что Иоанн «был в духе». Следовательно, вперед нами не столько внешнее изображение, сколько мысленная символическая икона. Это не космический пришелец и не солнце в лучах заката, а новый вселенский образ Христа. Более того, это его первое словесное изображение, данное апостолом. Первое и последнее.

Все четыре Евангелия ничего не говорят о внешности Иисуса. Древнеизраильская традиция избегает любых попыток словесного портрета, поскольку одна из десяти заповедей запрещает изображение Бога. «Не сотвори себе кумира» – это принципиальный отказ от видимого

образа Бога и приход к невидимому. Однако заповедь, полученная Моисеем, запрещает изображать Бога в камне, в глине, но отнюдь не в слове. Марк и Лука никогда не видели Иисуса, но Матфей и Иоанн общались с ним при жизни. Иоанн был настолько любим Учителем, что даже возлежал у него на груди во время трапезы. И тем не менее в Евангелии от Иоанна нет даже намека на портретный образ. И вот в первых же строках Апокалипсиса появляется первый словесный образ Христа воскресшего и вознесшегося. Иоанн здесь чрезвычайно далек и от израильской, и от греческой традиций. Тело Иисуса, если здесь можно говорить о теле, вылеплено из стихий воды и огня. Волосы белы, как волны и снег. Очи, как пламя, лицо, как солнце, ноги, как раскаленные в печи. Здесь нет и намека на греческий или римский скульптурный реализм. Такой образ Христа мог бы написать разве что Сальвадор Дали. Но ведь это спустя две тысячи лет. Иоанн же видел Иисуса воочию, стоял у подножия креста в часы распятия, но Христос никогда не был для него просто в человеческом облике. Не человек, а Богочеловек, Бог – Слово. В космическом портрете Иисуса, который впервые дан в Апокалипсисе, Иоанн предстает перед нами не только как апостол и свидетель, но и как величайший художник, опередивший все эпохи. Перед нами гений, создавший словесный портрет, икону сверхгения Богочеловека Иисуса Христа.

ДВЕРЬ, ОТВЕРСТАЯ НА НЕБЕ

«Я есмь дверь», – говорит о себе Иисус. Иоанн – его истинный ученик, в полноте унаследовавший образное небесное зрение Великого Учителя. Духовным взором он прозревает дверь, отверстую на небе. Сегодня не прекращаются споры о том, каким виделось небо Иоанну. Было ли оно для него твердым, хрустальным, состоящим из множества сфер с прикрепленными к ним звездами и планетами? Или Иоанн знал о бесконечной прозрачной воздушной бездне? Споры эти бессмысленны, поскольку астрология и астрономия вместе с космологией не интересовали Христа и его апостолов. Они знали, что вселенная – это Иисус, что Царство Божие внутри человека, а отнюдь не снаружи. Любые внешние проявления мира – всего лишь символы духовной, вечной реальности. Для Иоанна небо – это прозрачная граница между видимым земным и невидимым небесным мирами. Ему не нужны ракеты или телескопы, чтобы туда проникнуть. Вполне достаточно «быть в духе»: «После сего я взглянул, и вот дверь отверста на небе».

Что же нужно, чтобы войти в эту дверь? «И вот, престол стоял на небе, и на престоле был Сидящий; и Сей Сидящий видом был подобен камню яспису и сардису; и радуга вокруг престола, видом подобная смарагду».

Это вторая словесная икона Христа, восседающего на престоле в окружении 24 старцев в белых одеждах и золотых венцах. Все это очень напоминает восточный придворный ритуал. Царь-солнце восседает на троне в окружении звезд и планет. Вспомним пушкинскую обработку мистической зороастрийской притчи о царе-солнце (Салтане), где «весь сияя в злате,/ царь Салтан сидит в палате / на престоле и в венце / с грустной думой на лице».

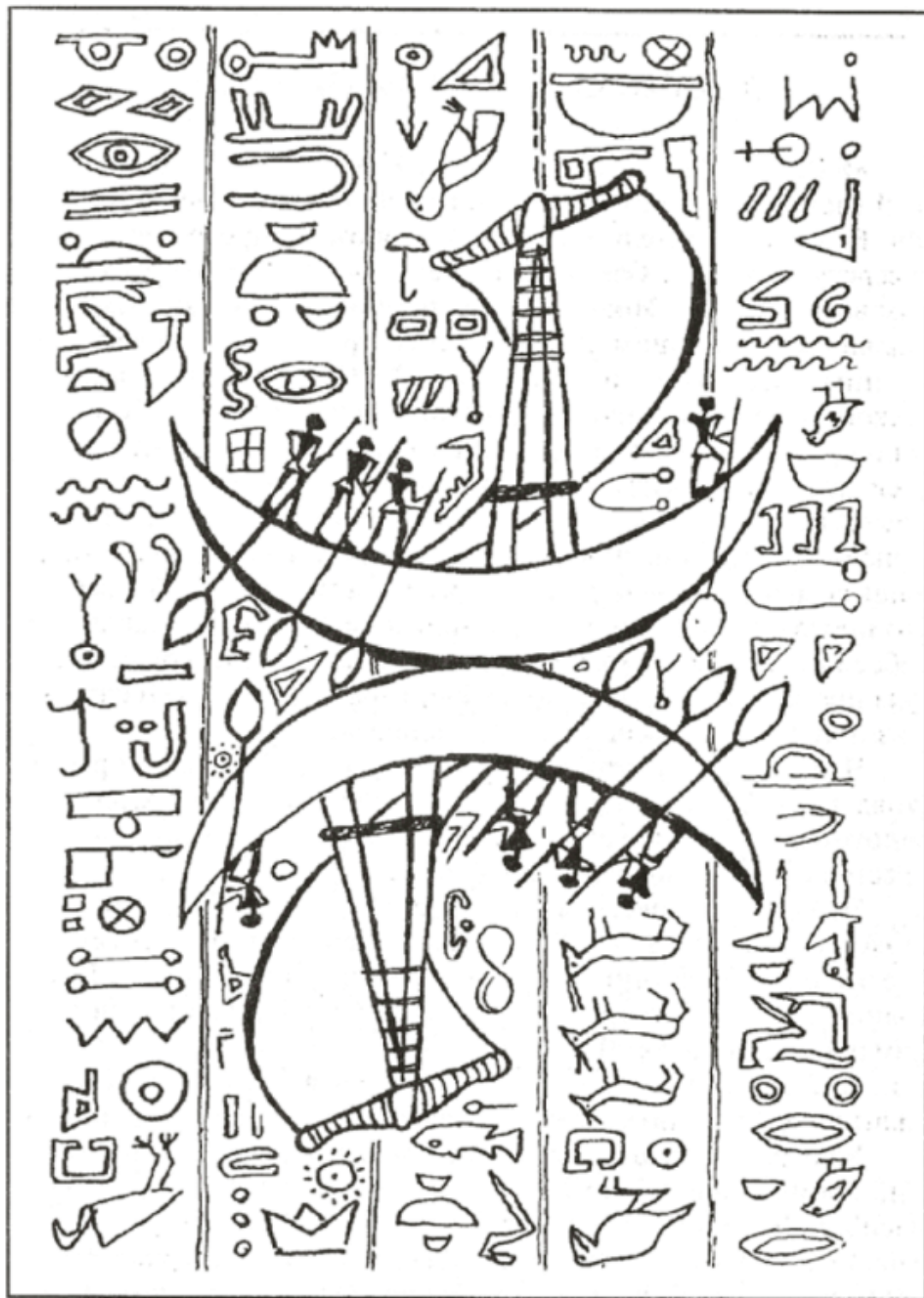
Уже древние египтяне смутно догадывались, что единственный зримый образ Бога на небе – это солнце. Позднее святой Василий Великий назвал солнце ликом Христа. Но и ночное небо именовалось зримым раем. Двадцать четыре старца в белых одеждах – это созвездия, плывущие по зодиакальному кругу вокруг солнца. Вернее, созвездия и солнце – это символы незримого Христа. Символ появляется в тот момент, когда земное зрение не может окинуть взором бесконечность. Не удивляйтесь, что Иоанн Богослов, не отходивший от Иисуса до последнего часа, видевший его и в славе, и в земной немощи, поруганного, полунагого, исполованного бичами, бездыханного, мертвого, только в конце жизни находит образы и символы, дающие возможность увидеть Христа в космической славе. Для этого надо «быть в духе». Слова «я был в духе» означают вдохновение. Именно тут, в Апокалипсисе, и родилось это слово. Вдохновение – дверь, отверстая на небе. Нет никакого сомнения, что Богочеловек Иисус был величайшим поэтом и совсем не случайно его любимым учеником стал гениальный поэт Иоанн Богослов.

Многие астрономы и астрологи не раз пытались истолковать Апокалипсис как астрологический трактат. На самом деле астрологические символы и астрономические реальности присутствуют в этой великой поэме только как образы и метафоры.

Метафора и образ – это словесная икона, позволяющая в зримых символах представить невидимое. В Катехизисе говорится, что Бога никто видеть нигде не может. Однако было же исключение, когда Христос родился и жил на земле, скажет иной человек. И ошибется. Люди видели Иисуса как человека. Увидеть Богочеловека не удалось никому. Апокалипсис – первая попытка сделать зримым незримое. Иоанн Богослов впервые увидел Иисуса-Богочеловека не на земле, а именно на небе, когда пришло вдохновение. Мы привыкли к иконному образу Христа, забывая, что в первом веке никто из очевидцев апостолов не проронил ни единого слова о том, как выглядел Иисус при жизни на земле.

Заповедь, запрещающая любые изображения Бога в дереве, в камне, в глине, не позволяла апостолам стремиться к созданию икон или фресок с изображением Спасителя. Иисус

изображается чаще всего в образе жертвенного агнца, каким, кстати, увидел его на небе автор Откровения. Слово «откровенно» пришло к нам из Откровения Иоанна Богослова. Откровенность – это полная искренность в сочетании с вдохновением. Надо быть искренним и «быть в духе», чтобы пророчествовать. Автор не стремится что-либо зашифровать или скрыть. Наоборот, он предельно открыт и стремится рассказать, почти взахлеб, обо всем, что увидел, засвидетельствовал, но ему самому далеко не все ясно. Тут надо вспомнить признание поэта: «Не знаю сам, что буду петь, но только песня зреет». Это сказал Фет в девятнадцатом веке. Но и в первом веке Законы поэзии были те же. Апокалипсис не просто поэзия, но поэзия боговдохновенная. Впрочем, поэзия всегда боговдохновенна, иначе она не поэзия.

*Вейся, прах, на лазурной неге,
Виси в выси синей.
На лазоревых крыльях
Прах улетает.*

К. Кедров

Когда Иоанн Богослов писал свое Откровение, еще не сложился церковный канон. Из самого текста поэмы мы видим, что существуют целых семь церквей, каждая из которых в чем-нибудь заблуждается. Дело в том, что для Иоанна, привыкшего все проблемы духа свободно обсуждать с Иисусом, не могло быть одного, единственно правильного решения. Утверждение другого апостола, что «надлежит быть меж вами спорам, дабы выявились искуснейшие», лучше всего передает атмосферу полного свободомыслия в кругу Иисуса. Другое дело, что это свободомыслие единомышленников, горстки избранных в море заблуждающихся и просто язычников. «Много званых, а мало избранных» – таков закон раннехристианского посвящения. Но именно таков закон поэзии.

В Древнем Израиле не было такого понятия – поэзия. Человек, родившийся поэтом, мог творить только в системе устоявшейся религиозной традиции и символики. Мы говорим «поэт», а израильтяне говорили «пророк». Об этом исконном значении данного слова вспомнил Пушкин, когда написал своего «Пророка». Религия и поэзия не одно и то же, но без поэзии нет религии. Все великие священные книги создавались прежде всего поэтами. У древних греков не было Библии. Их Моисей именовался Гомер, их Библия – «Илиада» и «Одиссея». И то и другое создавалось в ареале Средиземноморья, прародине всей современной европейской культуры. Древнегреческий бог Аполлон был поэтом, а Орфей, поэт и певец, значил для древних греков ничуть не меньше, чем Аполлон. Орфические мистерии стали по сути древнегреческой литургией. Одним словом, и для греков, и для древних евреев поэзия – священное дело.

Израиль по образу жизни, при всех отличиях, был все же неотъемлемой частью Римской империи. Не меньшее влияние оказывал на него Египет. Египет притянул к себе даже такого гиганта, как Юлий Цезарь. Именно он придал Риму облик, который сохранился до нынешних дней. И сделал это Цезарь под влиянием Клеопатры, которую полюбил в прямом смысле больше жизни. За эту любовь ему пришлось отдать жизнь. В Александрийской библиотеке, которую сожгли солдаты Цезаря, хранились многие книги, по которым обучался Иисус. Ведь детство его прошло не в Израиле, не в Назарете, откуда он родом, а в Египте, куда бежали от гнева Ирода Мария с Иосифом.

Сам факт того, что в Египет можно было легко бежать с женой и младенцем, говорит о тесных связях между Египтом и Иудеей. Что представлял собой тогдашний Египет? Это была процветающая культурная страна, затмевающая своим блеском даже великий Рим. По сути дела, духовный центр империи был не в Риме, а в Александрии. Сожжение Александрийской библиотеки было своеобразной мстостью римской солдатни. Клеопатра очаровала не только Цезаря и Антония, но и весь Рим.

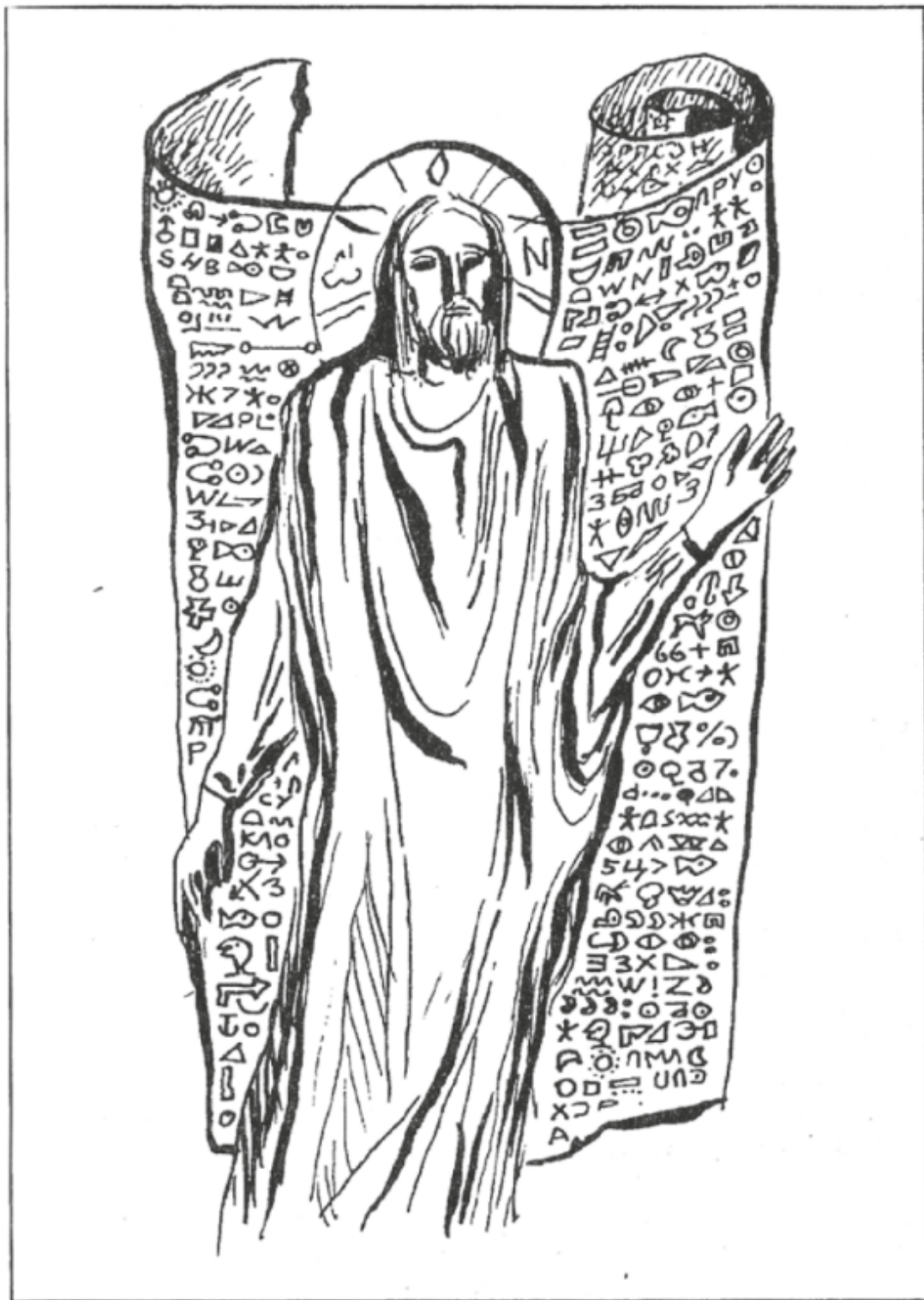
Многие с удивлением говорят об одном весьма странном обстоятельстве: самые древние христиане живут не в Греции, не в Израиле, а в Египте и Сирии.

Закон Моисея, десять заповедей, получены на Синае, но сам Моисей рожден в Египте. Первая, Нагорная, проповедь Иисуса прозвучала в Израиле, но детство Христа тоже прошло в Египте. И слова его хранились и распространялись прежде всего в Египте. Египет построил для народов дверь, отверстие на небе, – пирамиду Хеопса. Египет подарил миру идею вечного ежегодного погребения и воскресения Озириса. Египет создал мистику, где положение во гроб мумии фараона лишь предшествовало его грядущему воскресению. Но, как недавно выяснилось, отнюдь не только фараон и знатные египтяне подвергались такому символическому захоронению. Обнаружены поистине гигантские кладбища забальзамированных мумий. Воскресение было главной национальной идеей этого великого государства. Детство Иисуса прошло в стране, где каждый год воскресал Озирис, погребаемый и оплакиваемый Изидой. Естественно, что Иисус соотносил эти празднества и верования египтян с верой Авраама и Исаака и с теми религиозными идеями, которыми был пронизан Израиль.

ОБРАЗЫ ИИСУСА

В Израиле господствовали две религиозные партии – саддукеи и фарисеи. Фарисеи верили в воскресение мертвых. Саддукеи называли эти верования детскими сказками. Иисуса судили саддукейские первосвященники. Сам он критиковал и саддукеев, и фарисеев, но вера в грядущее воскресение была ему более чем близка. Но понимал ее Иисус по-своему. Ведь он был из рода назареев – потомков царя Давида. Из этого рода должен был прийти Спаситель – Мессия. Иисус, конечно же, знал о том, что Иосиф не являлся его отцом по плоти. Знал он об Ангеле, который явился Марии и возвестил Благою весть о младенце, зачатом во чреве от Духа Святого. Ангел сказал Марии наяву и Иосифу во сне только то, что они могли понять и вместить. Остальное должен был возвестить миру сам Иисус. Однако и ему предстояло пройти в жизни все стадии обучения и духовного созревания, которые уготованы каждому великому человеку. То, что Иисус мог подвергаться обычным человеческим соблазнам, совершенно очевидно явствует из текстов Евангелий. Особенно красноречиво свидетельство об этом – искушение в Пустыне во время сорокадневного поста.

Откуда апостолы знают об этом эпизоде, предшествовавшем проповеди Иисуса? Ведь дело происходило в пустыне, где, кроме Спасителя и Духа Искусителя, не было никого. Разумеется, это рассказ самого Иисуса. Евангелисты, знавшие, что Иисус – Спаситель, Богочеловек, никогда бы не решились приукрашивать его жизнь какими-либо легендами или вставными новеллами из третьих уст. Значит, перед нами рассказ, а правильное сказать, поэма самого Иисуса.

*Молчит сын плотника и Бога,
Но вскоре он заговорит.
Пора: «В начале было Слово»,
Он говорит, и Рим горит.*

К. Кедров

Прежде всего бросается в глаза сходство с Откровением Иоанна, который учился поэтическому религиозному творчеству у самого Христа. Иоанн «был в духе», Иисус «возведен был Духом в пустыню». Нет ни малейшего сомнения, что это Дух Божий, сошедший на него во время Крещения.

Мы не знаем, как именно постился Иисус, чем он питался, что пил. Все это вынесено за скобки великой поэмы. «И приступил к Нему искуситель» – в этих словах очень ярко видна авторская подлинная индивидуальность Спасителя. Ведь единственная молитва, которую он от первого лица оставил апостолам, заканчивалась словами: «И не введи нас во искушение, но избави нас от лукавого».

Никто никогда до Иисуса не говорил так явно о присутствии лукавого, искусителя на земле. Змий, соблазвивший Еву, все же очень древний образ из «Бытия». Он настолько древен и почти сказочен, что даже несет в себе черты зооморфного чудовища. Он змий. Но говорящий и ходящий. Ползать он станет в наказание за искус.

Искуситель, приступивший к Иисусу в пустыне, наделен только одним человеческим свойством – голосом. Во всем остальном он – Дух, не имеющий никаких телесных очертаний. Здесь существенная разница между Иисусом и его любимым учеником. Откровение Иоанна пронизано очень зримыми, почти телесно осязаемыми образами духовного мира. Образы искушения в пустыне – это эхо великой книги в сердце автора. В Писании, которое Иисус изучал и даже толковал в синагоге с детства, есть такие слова: «Не хлебом одним будет жить человек, но всяким словом, исходящим из уст Божиих». А вот как преломилось это высказывание в поэтическом рассказе Иисуса: «И приступил к Нему искуситель и сказал: если Ты Сын Божий, скажи, чтобы камни сии сделались хлебами». Вот тут-то и прозвучал ветхозаветный ответ Христа: «Не хлебом одним...» Прозвучал и стал стихом, пословицей, поговоркой, а до этого был только книжной мудростью.

Иисус с детства полюбил Книгу. Еще ребенком он во время ярмарки убежал от родителей в синагогу, где вместе со взрослыми толковал Тору – Пятикнижие. Однако в зрелые годы никто не видит Иисуса со свитком в руке. Он восклицает: «Горе вам, книжники...» Толкование Книги не его занятие. Он не толкует, он воскрешает текст. Так возникла в Израиле новая поэтическая школа. Иисус говорит о Духе и Букве. Толковать Писание надо не буквально, а в Духе. По сути дела, речь уже идет не о толковании, а о поэтическом творчестве.

Совсем не случайно Иоанн назвал Иисуса Логосом – Словом Божиим, облаченным в плоть. Иисус и есть Бог-Слово. Чтобы понимать Слово, надо «быть в Духе». Нужно вдохновение. Понимание Слова Иисуса – это не рабское следование Букве, а свободное творчество. Как Иисус поступал с Писанием, так и мы должны относиться к его словам. Творить и преображать. В результате такого творящего преображения и появилась поэма «Апокалипсис».

Нам неизвестно, слышал ли Иоанн первую, Нагорную, проповедь, или он появился позднее, пленившись другими словами Учителя. Ясно только, что слова Иисуса звучали не в безвоздушном пространстве, а в хоре многих других проповедников Древнего Израиля. В это же время проповедует родственник Иисуса Иоанн Креститель. Его проповедь звучала и в пустыне, и во дворце царя. За ним двигались толпы последователей, уверенных, что это и есть Спаситель-Назарей, который придет из рода Давидова. Несомненно, что Иисус в молодости подражал Иоанну, учился у него огненному слову. Семья и род Иисуса по материнской линии и по линии его нареченного отца Иосифа знали, что от кого-то из них родится Мессия. Правда, никто не предполагал, что Рождество будет столь необычным. Однако Иоанн Креститель тоже родился при особенных обстоятельствах. Его родители считались бесплодными, и только чудом и высшим замыслом природный ход вещей был нарушен, и родился великий Предтеча: «Он не был свет, но был послан, чтобы свидетельствовать о Свете». Иисус слышал его огненную проповедь, принял от него Крещение в водах Иордана, и здесь же произошло сошествие Святого Духа в виде голубя. По словам Иоанна Богослова, об этом так сказал сам Иоанн Предтеча: «Я

видел Духа, сходящего с неба, как голубя, и пребывающего на Нем». Сам Предтеча Иисуса не знал, хотя это был его родственник. Иисус же, конечно, много слышал об Иоанне и неслучайно пришел к нему после сорокадневного поста в пустыне.

Обычай Крещения (омовения) в воде не был канонически узаконен в Израиле. Но следует отметить, что от Сирии до Египта существовали сходные по духу религиозные направления, где такой обычай практиковали. Это эссеи, терапевты и кумраниты. Во всех трех религиозных братствах были сильны ожидания скорейшего прихода Мессии. Задолго до Рождества кумраниты пережили и описали в своих текстах смерть основателя движения, Учителя, убитого нечестивым жрецом. Учитель крестил в воде и собирался с двенадцатью учениками на священные трапезы, где ели священный хлеб и пили священное вино. После гибели Учителя трапезы продолжались в память о нем. Иоанн Предтеча по духу своего учения очень близок к кумранитам. Кумраниты называли себя Сынами Света.

Иоанн Богослов так говорит об Иисусе: «Был Свет истинный, который просвещает всякого человека, приходящего в мир. В мире был... и мир Его не познал». За сто с лишним лет до Рождества в Израиле уже существовала религия, чрезвычайно близкая по духу к христианству. И все же это не было христианством.

Самым ярким и неожиданным для современников было учение Иисуса, вернее, его откровение о богоусыновлении. Иоанн Богослов говорит об этом в первых строках своего Евангелия: «А тем, которые приняли Его, верующим во имя Его дал власть быть чадами Божиими, которые не от крови... не от хотения мужа, но от Бога родились. И Слово стало плотью и обитало с нами, полное благодати и истины; и мы видели славу Его, славу, как единородного от Отца».

Таково поэтическое и религиозное зрение, вернее, прозрение любимого ученика Христа. Позднее в Апокалипсисе появится образ мужа в белых одеждах с обоюдоострым мечом из уст, с волосами белыми, как барашки волн, с ликом, как солнце. И образ Царя, восседающего на троне. И, наконец, в небе появится семирогий Агнец посреди огня всеожжания.

Откуда пришли все эти зримые образы, символы, эмблемы, иконы? Заповедь «не сотвори себе кумира» запрещала любые изображения Господа. Однако запрет не распространялся на слово. Однако и в слове Бог никогда не изображался зримо. В Ветхом Завете Адам, Ева, Ной, Авраам и все праотцы слышат только голос Вседержителя. С голоса начинается сотворение мира. После голоса появляется Свет, сотворенный Словами Господа. Однако и голосу, и Свету предшествует Дух. Триада Дух – Голос – Свет своеобразный эмблематический отсвет тайны Святой Единосущной и Нераздельной Троицы – Отца, Сына и Святого Духа.

В Евангелии от Иоанна Иисус сначала явлен как Логос – Слово, потом как Свет, потом как Единосущный Сын Бога. Потом Иоанн видит духовным зрением, как над Иисусом простирается во время Крещения Святой Дух в виде голубя. А уже на следующий день Иоанн Креститель называет Иисуса Агнцем Божиим. Таким образом происходит неслыханное ранее. Это не было ни у пророков, ни в одной из книг Ветхого Завета. Бог явлен в облике человека Иисуса, в зримом образе ягненка – Агнца и в зримом образе голубя – Святого Духа. Возникает еще одна триада: Человек – Голубь – Ягненок. Заповедь, полученная Моисеем, запрещающая изображения Господа, не отменена, но осмыслена по закону Христа не в Букве, а в духе. На смену языческим кумирам пришел одухотворенный поэтический образ. Когда Иоанн Креститель увидел Святого Духа в виде голубя, человек впервые окинул духовными очами духовное небо, и оно разверзлось.

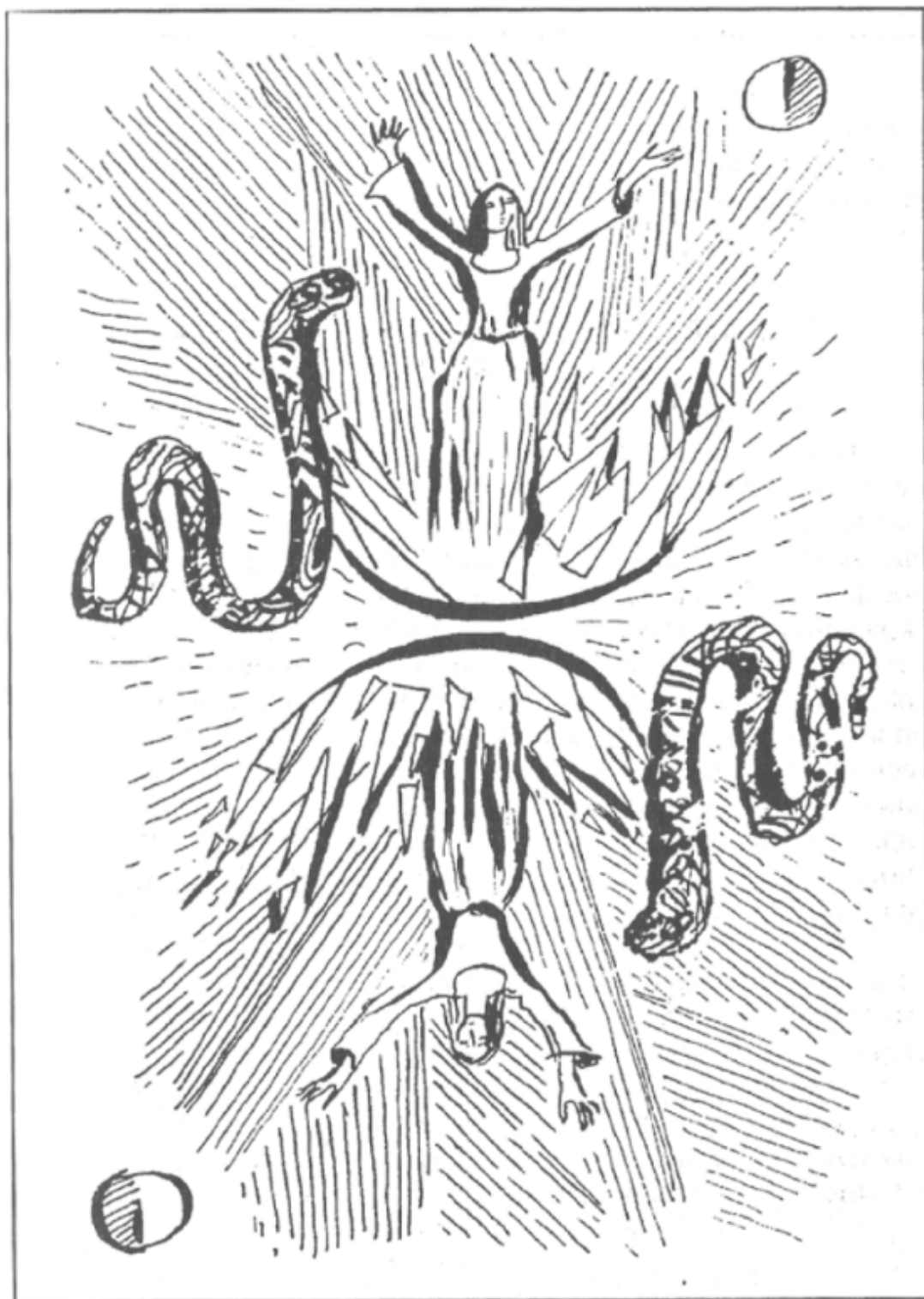
Через Христа небо сошло на землю, и это только начало. Иисус обещал апостолам, что настанут времена, когда люди воочию увидят Ангелов, служащих Сыну Человеческому. И этот момент настал, когда перед Иоанном Богословом раскрылось небо, и он описал это или, правильнее сказать, засвидетельствовал в Апокалипсисе.

ПОЭМА О СЫНЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОМ – СЫНЕ БОЖИЕМ

Разумеется, юный Иисус знал учение сынов света, кумранитов, о Царстве Божием на земле. Кумраниты пытались воздвигнуть это царство справедливости в пещерах Кумрана. Здесь был возведен целый город, в котором упразднились собственность, денежная система и запрещалось даже ношение женских украшений. Впрочем, в одном из погребений все же найден скелет молодой женщины с браслетом на ноге. Кумраниты бережно собирали Древние свитки и создавали в подражание им свои новые религиозные поэмы. В этих поэмах предания и легенды тесно сплетались с фактами реальной истории. Сказание о Великом Учителе, которого предал позорной казни некий нечестивый жрец, рассказ о его последней трапезе с двенадцатью апостолами – все это глубоко запало в душу Иисуса, когда он еще не был явлен и известен миру.

Что знал о себе Иисус в ранней молодости? Что он назарей из колена Давидова; что назарейми от рода Давидова являются его земные родители; что его нареченный отец Иосиф не является его отцом по плоти; что он был зачат не «от хотения мужа», а по Благовестию Ангела Господня, явившегося его матери Марии, возник в ее чреве от Духа Святого; что предвестием его рождения стала Вифлеемская звезда (соединение Сатурна – Отца с Сыном – Юпитером); что три волхва, астролога, пришли с востока, чтобы положить в его младенческую колыбель царские дары: золото, ладан и смирну; что о его рождении возвестили с неба Ангелы пастухам и те тоже пришли поклониться Спасителю мира.

Всего этого вполне достаточно, чтобы не помышлять о какой-то обычной земной судьбе, а думать лишь о своей божественной миссии. Никакие сверхъестественные явления не вторгались в детство, юность и молодость Иисуса. Иначе он рассказал бы об этом апостолам, как поведал им об искушении в пустыне. Но как рассказать о чуде? Это может быть в форме бесстрастного рассказа или в виде поэмы. О чуде нельзя поведать языком документальной прозы.

*Я вышел к себе
«через-навстречу-от»
И ушёл «под»,
Воздвигая «над».*

К. Кедров

Чудо требует образа. В земном смысле этого слова Христос был поэтом, но истинная поэзия всегда неземная. И уж тем более поэма всемирного гения и Богочеловека.

«Царство Мое не от мира сего», – говорит он. И уже одной этой фразой высоко воспарил над теми же кумранитами, которые строили Царство Божие на земле.

«Царство Божие внутри вас есть», – говорит Иисус. И с этого момента ход мировой истории перевернут. Все «Илиады» и «Одиссеи», которые протекали вовне, теперь переместились вовнутрь, в сердце человека. Кумраниты, они теперь и близко, и далеко. Они строят Царство Божие на земле, а Иисус возводит стены нового, Небесного Иерусалима в человеке. Вот он обращает свой взор к главной святыне Израиля, к храму Соломона и, предсказывая и его грядущее разрушение, и свою гибель, и свое трехдневное воскресение, восклицает: «Разрушьте храм сей и Я в три дня воздвигну его». Иудеи комментируют: «Он говорил о храме Тела Своего».

Итак, вот образы Иисуса:

Царство Божие не вовне, не на небе, а внутри человека, в его душе; храм не на горе и не на площади, а в человеке, вернее, само тело человека как храм; «церковь не в бревнах, а в ребрах», – гласит русская поговорка, продолжающая эту метафору.

Прекрасны метафоры о размерах Царства Небесного, о его незримом присутствии во всем. Царство Небесное подобно «закваске», дрожжам, они невидимы в тесте, но они делают тесто хлебным. Царство Небесное подобно горчичному зерну (имеется в виду размолотая мельчайшая частица горчицы), оно почти невидимо, но придает вкус всей пище.

Иисус – поэт, видящий великое в малом, невидимое в видимом. Его главный образ – словесная икона Бога-Отца. Бог-Отец подобен солнцу, он пылает лучами своей милости на праведных и неправедных. Будьте совершенны, как Отец ваш Небесный!

Учение о подражании Отцу Небесному – самая радостная часть Евангелий. У Иисуса нет земного отца по плоти. Есть только нареченный отец Иосиф Обручник, обрученный с Марией. Все его помыслы с детства устремлены к Отцу Небесному. Когда родители, потеряв мальчика на ярмарке, находят его в синагоге среди толкующих Писание, они укоряют его в том, что Иисус не думает о близких. И тут из уст Иисуса исходят слова, где уже заключена основа его нового откровения. Он называет синагогу своим домом, а Бога своим Отцом. Только в этом контексте можно правильно понять два других эпизода. В одном из них Иисусу сообщают, что его мать и братья не могут пробиться к нему сквозь толпу. «Кто мать Моя, и кто братья Мои?» – отвечает Спаситель. В другом апостол просит Иисуса повременить, дабы, прежде чем следовать за Учителем, успеть похоронить умершего отца. «Предоставь мертвым погребать своих мертвецов», – говорит Христос. Так что же, отменяется заповедь «чти отца твоего и мать твою»? Нет, конечно. Просто не должно быть препятствий на пути от жизни земной к жизни небесной, от отца земного к Отцу Небесному.

Тут следует понять, насколько новым и неожиданным было прозрение Иисуса о небесном усыновлении. Только в этом контексте можно понять великую притчу о блудном сыне. Блудный сын – все люди Израиля, забывшие о своем Небесном Отце. Здесь нужно вспомнить, как необычно выглядит возвращение сына. Возвратившись, он живет тайно в доме отца, питается свинными помоями. Когда же отец узнает своего сына среди слуг, в нищенских лохмотьях, он радуется его возвращению больше, чем всем своим детям, не уходившим из дома. Блудному сыну уготованы лучшие одежды и лучшее место за столом.

Вся земная, устоявшаяся иерархия здесь перевернута. «Последние будут первыми». Заблудшей овце пастух и хозяин радуются больше, чем всему стаду, которое никуда не уходило. Все это можно понять лишь в должном поэтическом контексте. Обратите внимание, что Бог-Отец страдает от разлуки с любимым сыном, пожалуй, даже больше, чем сын. В притче о блудном сыне слышно нечто ранее немыслимое – сострадание к Богу.

Учение Христа о небесном богоотцовстве шокирует окружающих. «Разве мы не рождены от Авраама и Исаака?» Ответ Иисуса снова повергает в шок: «Бог может из камней сих воздвигнуть детей Аврааму». Трудно представить себе более яркую метафору усыновленного Богом мира. Если даже камни могут стать детьми Божиими, равными потомкам Авраама, то что же говорить о людях...

А теперь о людях. Перед нами еще одна поэма о Сынах Божиих, Сынах Человеческих. Заметим, что оба звания для Иисуса тождественны. Сынами Божиими и Сынами Человеческими Иисус называет всех, кто считает Бога своим отцом. Но это речь идет о многих и званых: «Много званых, а мало избранных». Чтобы стать усыновленным Господу по Духу, надо родиться заново. Об этом Иисус говорит ночью Никодиму во время тайной беседы. Поскольку Иоанн Богослов дал описание этой встречи в своем Евангелии, мы видим здесь двойную поэму о двух рождениях. Одна принадлежит самому Господу Иисусу Христу, другая же любимому ученику, когда он излагает слова Учителя. Автор Апокалипсиса чувствовал двойной огонь вдохновения. Один – от слов Иисуса, сказанных Никодиму, другой – от него же через Духа Святого, когда писалась эта глава.

«Между фарисеями был некто, именем Никодим, один из начальников Иудейских». Напомню, что фарисеи были оппозиционной партией и верили, в отличие от саддукеев, находившихся в то время у власти, в грядущее воскресение мертвых. Это отчасти сближало Никодима с Иисусом. Никодим приходит ночью. Это значит, что уже тогда Иисус и его ученики подвергались гонениям.

В первых же словах, обращенных к Никодиму, Спаситель открывает ему великую тайну. «Если кто не родится свыше, не может увидеть Царствия Божия». Сколько открытий в этих словах! Во-первых, должно родиться второй раз, то есть свыше. Во-вторых, родившиеся свыше могут увидеть Царствие Божие, что и произошло позднее с Иоанном, когда он воочию увидел Небесный Иерусалим.

Далее следует дивный диалог Никодима с Иисусом.

Никодим: «Как может человек родиться, будучи стар? Неужели может он в другой раз войти в утробу матери своей и родиться?»

Иисус: «Если кто не родится от воды и Духа, не может войти в Царствие Божие».

И далее следует гимн Духу, который сам по себе есть великий стих:

Рожденное от плоти есть плоть,
А рожденное от Духа есть дух...
Дух дышит, где хочет,
И голос его слышишь,
А не знаешь, откуда приходит
И куда уходит:
Так бывает со Всяким,
Рожденным от Духа.

Как не узнать в этих стихах грядущих событий? Когда Иоанн будет сослан на остров Патмос, и, «будучи в духе», услышит голос, и будет возведен к небу.

Удивленный Никодим в смятении спрашивает: «Как это может быть?» – и в ответ слышит новый стих о земном и небесном:

Если Я сказал вам о земном
И не верите, —
Как поверите,
Если буду говорить вам о небесном?

Никто не восходил на небо,
Как только спешший с небес
Сын Человеческий,
Суший на небесах.

Надо хоть немного, но быть поэтом, чтобы понять последние четыре строки. На небо восходит только с него спешший, Сын Человеческий, вечно пребывающий (суший) на небесах. Он на небе. Но он сошел с небес. Он сошел с небес, но вечно пребывает на небесах. Но ведь и небеса – это не купол над головой, а образ Царствия Божия, которое внутри вас.

И как бы завершая поэму о Святом Духе, Иоанн Богослов приводит в конце той же главы слова Иоанна Крестителя:

Приходящий свыше
И есть выше всех;
А суший от земли
Земный и есть...

Ибо Тот, Которого послал Бог,
Говорит слова Божии,
Ибо не мерою
Дает Бог Духа.

Бесконечный, безмерный Святой Дух воцаряется на земле в образе Сына Божия, Сына Человеческого, Богочеловека Иисуса Христа, рожденного от воды и Духа в момент Крещения. И, уподобляясь Ему, многие будут отныне усыновлены свыше.

ПОЭМА О НЕБЕСНОМ ЖЕНИХЕ

Лирика всегда начинается с брачного томления. Библейская Песнь песней полна эротических вожелений невесты к жениху и жениха к невесте. Это Восток, сладостный, томный, страстный. Здесь умирают от любви, едва завидев возлюбленную или возлюбленного. Здесь уже в 12 лет мальчики готовы к продолжению рода, а продолжительность жизни столь мала, что старцы выглядят, как космические пришельцы. Старец уже пророк, выходец из других времен. Но вот что интересно: вопреки демографической ситуации, согласно которой большинство жителей Востока были молоды, в Евангелиях молодые люди отсутствуют. Мир детей и молодых людей считался недостойным описания. Из священной книги почти ничего невозможно узнать о детях и юношах. Именно этим объясняется отсутствие сведений о детстве и юности Иисуса.

*Четыре стороны Святого града
слились в одну,
друг в друге отражаясь.*

К. Кедров

Но ведь был он, Иисус-мальчик, Иисус-юноша, Иисус – молодой человек. Эпизод в синагоге, где маленький Иисус толкует вместе со старцами Тору, не оставляет сомнений в его книж-

ных пристрастиях. Мальчик Иисус любил книгу. И конечно же, обладая сверхбожественным даром, он, подражая автору Песни песней, писал поэму о любви, где любовь земная полностью слита с первым чудом Иисуса, который много позже евангелисты запечатлели как реальный исторический эпизод, – брак в Кане Галилейской с превращением воды в вино.

Я хочу здесь поставить все точки над *i*. Не сомневаюсь ни секунды, что брак в Кане Галилейской и превращение воды в вино – все это было. Но было по заранее готовому поэтическому сценарию, автор которого – молодой Иисус. Чудо Иисус совершил уже в тридцатилетнем возрасте, а поэму с описанием этого чуда в устном виде создал еще в молодые годы. Иисус, как Гомер и Сократ, творил устно. Этим и объясняется, что, приступив к проповеди в тридцать лет после сорокадневного поста в пустыне, он фактически говорит стихами. Все четыре канонических текста Евангелий, написанных четырьмя евангелистами, написаны не ими, а от них. Евангелисты диктуют наизусть, а кто-то записывает их слова. Св. Матфей и св. Иоанн Богослов знали и видели некоторые эпизоды, о которых говорится в Евангелиях. Св. Лука и св. Марк знают события из вторых и третьих уст. Но вот что удивительно: и бывший сборщик податей Матфей, и греческий врач Лука, и историк Марк, и любимый ученик Господа Иоанн изъясняются стихами с такой легкостью, словно все четверо родились поэтами. Между тем несомненным поэтом, наделенным образным видением, был и остается прежде всего св. Иоанн. Он ученик Иисуса не только в богословии, но и в поэзии. Три других евангелиста сияют отраженным светом от поэзии самого Сына Божия. Мы не всегда понимаем, что речь идет еще и о заранее созданном тексте самого Господа. Начало Евангелия от Иоанна много раз истолковано в неоплатоническом духе. И тут все верно. «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог» надо понимать, как толкует святоотеческое богословие. Однако есть еще и буквальный смысл этого величайшего текста текстов. В нем сообщается, что началу проповеднической деятельности Иисуса предшествует поэма – Слово, где сказано все, что было, и все, что будет. В богословском смысле эта поэма существовала еще до сотворения мира Господом. Она была и будет всегда. Исторически она была написана в конкретном времени и пространстве еще молодым Иисусом. Эта духовная «Илиада» и «Одиссея» формировалась и плавно перетекала от песни к песне, пока не оформилась окончательно в литургический круговорот православных праздников, охвативших все времена.

Если идти по кругу времен, исходя из круга житейского, или, правильнее, житийного, то первый стих, которому все предшествует, поведен нам в первых строках Евангелия от Иоанна. Это восторженный гимн Слову, который, на мой взгляд, создан самим Иисусом и передан нам боговдохновенным его учеником Иоанном Богословом.

СЛОВО

В начале бе Слово,
И Слово бе у Бога,
И Слово бе Бог.
Оно было в начале у Бога.
Все чрез Него начало быть,
И без Него ничто не начало быть,
Что начало быть.
В Нем была жизнь,
И жизнь была свет человеков;
И свет во тьме светит,
И тьма не объяла его.

У этого текста текстов нет предшественников. Он неподражаем, первичен, подлиннен и единственен. До сих пор в филологии принято ссылаться на учение Филона Александрийского, который толковал Библию в неоплатоническом духе. Но Логос Филона Александрийского и Логос-Слово Иоанна Богослова ничего общего, кроме звуковой оболочки, в себе не содержат. Иоанн говорит о Логосе Иисуса и о Логосе-Иисусе как о едином целом. Ничего подобного не было в философии неоплатоников. Никто из них не говорил, что Слово Сократа и Сократ-Слово – это одно и то же. Никто не говорил, что Сократ и есть Слово и что это Слово – воплощенный Бог. Греки и римляне иначе относились к поэзии. У них не было пророков, были лишь предсказатели. Отношение к Слово было достаточно сдержанным. Так, Сократ явно полемизирует с древнеегипетским гимном писца, где говорится, что все творения из камня и глины будут разрушены, Слово же не подвержено разрушению. Сократ критикует бога письменности Тота. Он считает, что слово, оторванное от живой гортани, мертво. Нельзя отделять слово от человека. Сократ против письменности. Она омертвляет живую речь. Иисус мог не читать труды Платона, Аристотеля и Ксенофонта с описанием философии и жизни Сократа. Но не знать гимн египетского писца он, проведший раннее детство в Египте, не мог. Писец говорит, что забудутся цари и их царства, а он, никому не ведомый писец, останется навсегда в своем гимне слову.

Египтяне писали иероглифами. Возможно, что именно это обстоятельство не позволило им подняться до понимания, что Бог невидим. Иероглифы слишком конкретно зримы. Заповедь, полученная Моисеем от Бога, запрещает любые изображения кумира в камне, в бронзе, в глине. Возможно, что именно в этом суть духовного раскола, закончившегося исходом Моисея из Египта. Ведь Египет – родина Моисея, а много веков спустя он стал детской родиной Иисуса. Ведь Сын Божий только родился на пути из Назарета в Вифлеем. Его детство и обучение грамоте прошло в Египте.

В стихе о Слове нет ничего влияния. Но есть великая древнеегипетская традиция – благоговение перед Словом, самым надежным вестником вечности.

После Слова о Слове следует поэма о Благовещении, или стих о непорочном зачатии. Иисус прежде всего верен библейской традиции. Он внимательнейшим образом штудировал тексты, предвещающие рождение Мессии. Дева родит сына, который будет наречен Еммануил, что означает «с нами Бог». В этих словах пророка предвещается, что Мессия родится от Девы. Но Иисус, конечно же, знает, что он рожден непорочно и что его мать Мария – Дева. Он посвящен в тайну явления Ангела Марии и во все другие события, предшествующие его рождению. Пожалуй, только поэмы о Благовещении и Рождестве рассказывают о прошлом. Во всех остальных стихах Иисус говорит о будущем. Если о Благовещении достаточно хорошо известно апостолам от самой Девы Марии, то о тайне непорочного зачатия можно поведать только библейскими образами и стихами. Иисус передал свое истолкование библейских пророчеств апостолам, а те поведали о тайне Святым Отцам. Так церковное предание донесло до нас великую поэму о непорочном зачатии. Вот она.

Совет предвечный
Открывая отроковице,
Гавриил предста,
Тебя лобзая И вещая:
– Радуйся, земля ненасеянная,
Радуйся, купино неопалимая,
Радуйся, глубине неудобозримая;
Радуйся, мосте к небесам проводящий,
И лестница высокая, которую Иаков видел;
Ею же сниде Бог.

Радуйся, сосуд манны небесной,
Радуйся, баня, омывающая совесть.

– Как человек являешься ты предо мною, —
говорит архангелу девственная Мария. —
Говоришь слова, превышающие разумение человека,
Ибо ты сказал, что Бог будет со мною
И вселится во утробу мою.

Как могу вместить невместимого,
Носимого херувимами?
Да не прельсти меня лестью,
Не знаю я плотской сласти,
Браку есть непричастна;
Как же отрока рожу?
– Бог идеже хочет,
Побеждает естества чин, —
глаголет бесплотный.

Ужасошася всяческая
О божественной славе Твоей;
Ты бо неискусобрачная Дево,
Имела еси во утробе,
Над всеми Бога,
И родила еси безлетного,
Предвечного Сына.
О тебе радуется, Благодатная, всякая тварь,
Ангельский собор
И человеческий род.
О, священный храм
И раю словесный,
Девственниц похвале,
Ложесна бо твоя
Престол сотвори,
И чрево твое содея
Пространнее небес.

Яко посуху шествовал еси Израиль
По бездне стопами,
Тако и ты родишь,
И Девой пребудешь.

ДУХОВНЫЙ ПИР

Церковь есть Невеста Христова, Христос – Жених. Когда облачают архиерея, то возглашают: «Облекох тя яко жениха и яко невесту украсих тя». Эти образы тоже идут от самого Господа Иисуса. Однажды ученики Иоанна Крестителя пришли к ученикам Иисуса и спросили, почему они не постятся. Ответ Спасителя есть часть его великой поэмы:

Могут ли печалиться
Сыны чертога брачного,
Пока с ними жених?

Этот вопрос означает, что свое воплощение в человека, и свой приход на землю, и пребывание с нами Христос образно сравнивает с приходом жениха на свадьбу. Невеста здесь – все собрание верующих, все апостолы, вся будущая Церковь Христова.

Но свадебные образы на этом отнюдь не заканчиваются. Вот апостолы спрашивают Всевышнего, что такое Царствие Небесное. И тогда Иисус рассказывает им притчу о десяти девах, которые ждут прихода желанного жениха. Для такой встречи полагалось выйти в белых одеждах, с волосами, умощенными благовонными маслами, с горящими светильниками в руках. Неразумные девы не взяли с собой масла. Мудрые же всегда держали наготове и светильники, наполненные маслом, и белые свадебные одежды, и облик всегда соответствовал моменту ожидаемой встречи. Когда же внезапно появился жених, готовые вошли на брачный пир. Царство Небесное подобно приходу жениха. Потому поется в церковном песнопении:

Се, жених грядет во полунощи,
Блажен муж, ибо бдяй да обрящет.

Ясно, что этот образ полуночного воскресения Иисуса есть отблеск все той же великой Поэмы Поэм, созданной самим Спасителем. Господь знал, что он погибнет, но воскреснет, но это знание могло быть явлено только в поэтических образах.

Зная о своем Рождестве, о Благовещении и непорочном зачатии, Иисус не мог не задуматься о великой тайне небесного брака и о своей причастности к этой свадьбе в образе Небесного Жениха.

Разве не удивителен эпизод Евангелия, получивший название «Брак в Кане Галилейской»? Заметим, что здесь сотворено самое первое чудо Христа – превращение воды в вино. Тут уместно вспомнить великое пасхальное песнопение о вине – несомненный отголосок все той же Поэмы Поэм.

Приидите, пиво прием новое,
Не от камне неплодна чудеемое,
Но нетления источник,
Из гроба одождивша Христа,
В Нем же утверждаемся.

Вино выдавливалось из виноградной лозы с помощью «неплодного» камня. Новое вино крови Христовой добыто не при помощи неплодного камня, а при помощи того камня, который был привален ко двери Гроба Господня и отброшен – отвален – в момент воскресения. Воскресающий Христос сравнивается здесь с вином, которое выдавливается камнем из чана

– «из гроба одождивша Христа». Но этому чуду, венцу всех чудес, совершенных Господом, предшествует первое чудо Иисуса – превращение воды в вино.

Но это не просто чудо – оно еще и образ, смысл которого раскрывает сам Иисус: «Не вливают вина молодого в мехи ветхие». Речь идет о полном обновлении плоти и духа в таинстве евхаристии. Обновление мехов не произошло даже на Тайной вечере, когда Иисус указал на хлеб и вино, заключив в два стиха мистерии воскресение из вина греческого Диониса и из колоса египетского Озириса. Иисус знаком и с греческим символом воскресения как житель римско-греко-египетско-израильской диаспоры Средиземноморья.

Примите, ядите:
Сие есть Тело Мое,
Еже за вы ломимое
Во оставление грехов.
Пейте из нее все —
Ибо сие есть Кровь Моя
Нового Завета,
Яже за вас и за всех изливаемая
Во оставление грехов.

Весь древнеегипетский, древнегреческий и древнееврейский эпос сведен к этим строкам. Это итог античности, божественный и поэтический. Брак в Кане Галилейской предвещает Тайную вечерю, а Тайная вечеря предвещает воскресение, «из гроба одождивше Христа». Вино – ключевой образ. Вода, превращенная в вино на свадьбе, предвещает превращение вина в Кровь Христову на Тайной вечере.

А теперь самое время обратиться к финалу Апокалипсиса, где Иоанн Богослов говорит уже напрямую от лица самого Господа:

Я, Иисус, послал Ангела Моего
Засвидетельствовать вам сие в церквах.
Я есмь корень и потомок Давида,
Звезда светлая и утренняя,
И Дух и невеста говорят: прииди!

Звезда утренняя – так называется на Востоке Венера. Она же Астарта, Иштар. Однако в последнее время были сделаны существенные открытия, которые меняют суть дела. Выяснилось, что восход Сириуса в лучах солнца в дни весеннего равноденствия означал воскресение Озириса – Ориона, тоже воскресающего на Востоке в виде фигуры человека, приподнимающегося, опираясь на локоть. Сириус в этот момент был символом Изида – жены-матери-дочери Озириса-Ориона. Она собирала его по частям в Царстве мертвых, за горизонтом. Ее появление в Орионе на восходе означало, что Озирис воскрес. Весь Египет ликовал в это время. Высеивали зерна в виде человеческой фигурки, прикрыв их влажной тряпочкой. Озирис воскресал на третий день в виде зеленых проросших ростков. Обычай этот сохранился и у нас. Высеивание зерен овса в виде человеческой фигуры перед Пасхой я не раз наблюдал собственными глазами в детстве.

Если зерно не умрет в земле,
То пребывает мертвым.
Если же умрет,
То принесет много плода —

прорастет в виде колоса. Эти евангельские слова – тоже отголосок Поэмы Поэм, принадлежащей Иисусу. Детство в Египте насытило его поэтическими образами воскресающего Бога, лишь создав Поэму Поэм, он понял, что писал это о самом себе. Озирис, воскресающий, как колос из зерна, воскресал еще и как жених (небесный жених) Изиды – Сириус.

Иисус, зная о своем необычном зачатии от Духа Святого и Рождестве, конечно же, интересовался мистериями Озириса и Изиды. В обряд погребения Озириса входило умашение благовонными маслами и пеленание. Есть определенное сходство в обряде погребения и обрядах свадьбы. Жениха невеста умащает благовонными маслами. Известен эпизод, когда одна из жен-мироносиц вылила на Иисуса сосуд с благовониями, вызвав этим действием ропот его учеников. Мол, лучше было бы продать дорого миро, а деньги раздать нищим. Иисус же говорит, что нищие всегда имеются, а его скоро не будет с ними. И далее объясняет, что это был обряд приготовления к погребению. Похороны-свадьба и свадьба-похороны – весьма распространенный обряд.

Се, жених грянет во полунощи,
И блажен его же обрящет бдяша.
Недостойн же паки его же обрящет спяща,
Блюди убо душе моя,
Не сном отяготися,
Да не смерти предана будеши,
И Царствия вне затворишися,
Но воспряни зовущи:
Свят, Свят, Свят еси Боже,
Богородицею помилуй нас.

И опять невозможно не вспомнить евангельский эпизод, когда Иисус в предсмертной тоске всю ночь молился в Гефсиманском саду. Меж тем апостолы уснули, утомленные долгим бдением. Иисус же много разбудил их, говоря, что скоро Сын Человеческий будет отдан на распятие.

В церковных песнопениях Богородицу часто величают словами: «Радуйся, невеста невестная». Свадьба, брак в Кане Галилейской, венчание с небом, где «утренюет дух Твой, дух Твой, благий Твой, ко храму святому, храм святой телесный весь осквернен».

Все эти образы рождены буквально у нас на глазах в евангельских текстах самим Иисусом. А потом, как эхо, они приумножаются во множество гениальных церковных песнопений, в единую Поэму Поэм, и совершенно невозможно определить, где тут начало, а где продолжение, поскольку Главный Автор творит предвечно и в прошлом, и в будущем, и в настоящем.

Хотя исторически мы можем говорить, что поэма о небесном женихе, о звезде утренней невестной, вместившей в себя невместимого, того, кто вмещает бездну (бесконечность), и того, кто сотворил и творит все миры, создана самим Иисусом. В ней присутствуют образы и древнегреческих, и древнеегипетских мистерий, но отсечено все плотское, все лишнее. Оставлено только вечное, одухотворенное, проще говоря, выявлена сама поэзия.

Автор созывает всех на великий брачный пир, где никому ни в чем не будет отказа, где «последние будут первыми», где «много званых, но мало избранных», где жених Иисус венчается с небом, где обновляется вино в старых, ветхих сосудах тела, и пьется новое вино жизни вечной. «Се, творю все новое», – восклицает Иисус в Откровении Иоанна Богослова. Плотские гомеровские пиры в «Илиаде» и «Одиссее» и даже духовный, интеллектуальный «Пир» Платона есть предвестие брака в Кане Галилейской, где вода превращается в вино, и Тайной вечери, где хлеб становится телом Господа, а вино его кровью, где поют хоры:

Тело Христово примете,
Источника бессмертного вкусите.

И конечно же, вспоминаются слова из псалма Давида, великого царя и поэта, родственника и земного родоначальника Иисуса по крови:

Вкусите и увидите, как благ Господь!
Блажен человек, который уповает на Него!

Вкусительное богословие, когда Бог явлен человеку даже через вкусовые пупырышки на языке. Кому-то это может показаться странным. Между тем в Апокалипсисе есть еще более конкретный образ вкусового богопознания:

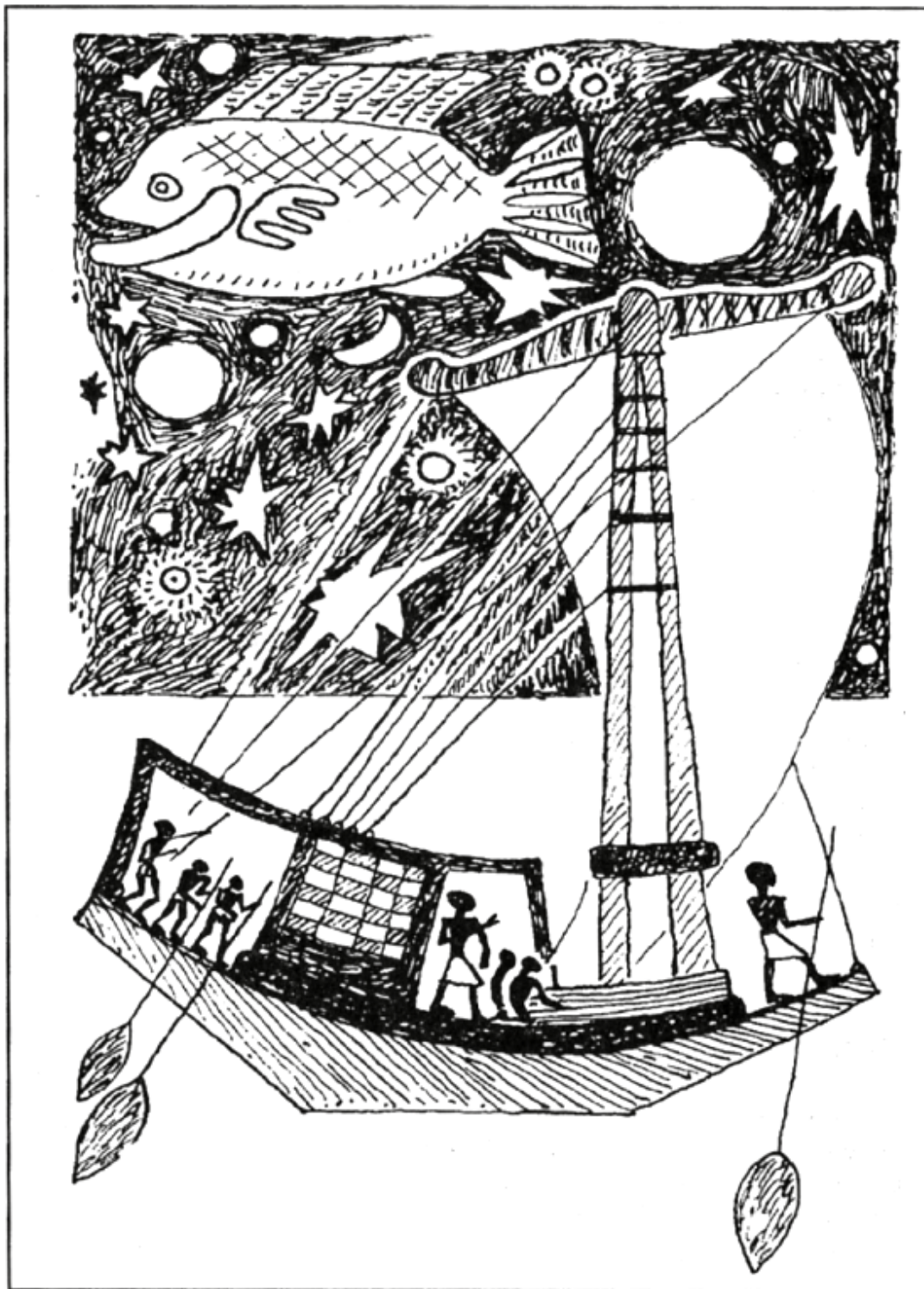
И я пошел к Ангелу и сказал ему:
Дай мне книжку.
Он сказал мне: возьми и съешь ее;
Она будет горька во чреве твоём,
Но в устах твоих будет сладка, как мед...
Когда же съел ее,
То горько стало во чреве моем.

Сам ли Господь продиктовал Иоанну этот образ, когда Иоанн «был в духе», или явил ему это через своего Ангела в зримых деталях, ясно, что это один из самых оригинальных стихов в Поэме Поэм. Несомненно, что сам образ богопознания через вкушение дан апостолам, и в том числе любимому ученику Иоанну, на Тайной вечере в таинстве евхаристии.

ПОЭМА О ХЛЕБЕ НЕБЕСНОМ

Еда и питье на Востоке всегда имеют символическое значение. Тексты евангелистов, полностью очищенные от быта и от всего земного, тем не менее буквально переполнены всевозможными трапезами и вкушениями. Не менее важны эпизоды утоления жажды водой или вином. Но каждый съеденный кусок и каждый глоток что-то означают и что-то символизируют.

Самая первая поэма о вкушении могла быть рассказана апостолам только самим Иисусом, ибо в пустыне не было никого, кроме Господа и искушителя. Во время сорокадневного поста искушитель указал Иисусу на камни и предложил превратить их в хлебы, на что Спаситель ответил ему словами: «Не хлебом одним будет жить человек, но всяким словом, исходящим из уст Божиих». Христос часто прибегал к словам из Ветхого Завета для утверждения новых истин. А вот камень и хлеб, противостоящие друг другу, – это авторское открытие Иисуса. Насколько ему оно свойственно, можно судить по другому изречению. Говоря о самом заветном, о том новом, что он принес в этот мир – о Господе как о милосердном Отце людей, Иисус возглашает – «Просите, и дано будет вам; ищите и найдете; стучите и ответят вам. Есть ли между вами такой человек, который, когда сын его попросит у него хлеба, подал бы ему камень? ... Отец ваш Небесный даст блага просящим у Него».

*К востоку уплывает
Безвёсельная птица,
Она на новых крыльях
Пылает в глубине.*

*Безликою базиликой
Озирис озарился.*

*Осиротел Озирис
В небесной вышине...*

К. Кедров

Дважды осуществляет Спаситель чудо с хлебами, приказывая преломить их и насыщая тысячи голодных людей несколькими хлебами. Поэма о хлебе небесном была, судя по всему, создана им в пустыне во время поста или в предшествующий период. В детстве, в Египте, Иисус был знаком с обычаем египтян, выпекающих из зерен первого урожая тело воскресающего Озириса. Этот весьма архаичный для Израиля и весьма обыденный для Египта обычай привел в полное смятение апостолов, когда Иисус сказал им: «Если не будете есть мое тело и пить мою кровь, не войдете в Царствие».

Даже образ Царствия Небесного для Иисуса напрямую связан с хлебом. Он говорит, что Царствие Небесное подобно закваске в хлебе. Никто не видит ее, но именно она составляет душу хлеба. Обычай выпекать на Пасху пышные куличи восходит к этому великолепному поэтическому образу, созданному Иисусом.

Хлеб не вкушается без воды или вина. Кроме чуда в Кане Галилейской с превращением воды в вино, огромное значение имеет встреча с доброй самаритянкой у колодца. Несомненно, что и эта поэма сначала сочинена Иисусом (предсказана), а затем осуществлена в реальности. То, что Иисус действует по заранее существующему сценарию, не подлежит сомнению. Эти события поэтичны, но Господь знает о них и предвидит заранее все, что произойдет.

Иисус жаждет воды, а добрая самаритянка говорит, что по обычаю Израиля она, не будучи чистокровной еврейкой, не может подать воды назарею от колодца Давидова. Иисус же отвечает, что придут времена и все народы утолят жажду из одного колодца воды живой. Подобного прорыва не было в Ветхом Завете. Поначалу даже сам Иисус говорил о том, что он послан лишь к овцам дома Израилева. Но потом возникает целый ряд притч, где главным на пиру оказывается тот, кого поначалу даже не звали, ибо «много званых, а мало избранных».

В Апокалипсисе через Иоанна Иисус поставил последнюю точку в своей Поэме Поэм, завершив ее образом всеобщего насыщения и утоления жажды от древа жизни и источника воды живой. Теперь поэма о хлебе Небесном приобретает полностью законченный вид.

Тогда Иисус возведен был Духом в пустыню
Для искушения от диавола,
И, постившись сорок дней и сорок ночей,
Напоследок взалкал.
И приступил к Нему искуситель и сказал:
Если Ты Сын Божий,
Скажи, чтобы камни сии
Сделались хлебами.
Он же сказал ему в ответ:
Написано: «не хлебом одним
Будет жить человек,
Но всяким словом,
Исходящим из уст Божиих».

Далее следует текст, который Иисус лично оставил ученикам, который так и называется «Молитва Иисусова». И здесь слова о хлебе играют ключевую роль.

А молясь, не говорите лишнего,
Как язычники...

Молитесь же так:
Отче наш, иже еси на небесех!
Да святится имя Твое,
да приидет Царствие Твое,
да будет воля Твоя,
яко на небеси и на земли.
Хлеб наш насущный
даждь нам днесь;
и остави нам долги наши,
якоже и мы оставляем должником нашим;
и не введи нас во искушение,
но избави нас от лукавого;
Ибо Твое есть Царство
и сила и слава во веки.
Аминь.

Очень важно, что Господь тотчас же поясняет смысл слов молитвы:

Ибо, если вы будете прощать людям
Согрешения их,
То простит и вам Отец ваш Небесный.

Нет пояснения о хлебе насущном, но если видеть, что «Молитва Иисусова» дана Матфеем в пятой главе сразу после четвёртой, где находится эпизод искушения хлебами в пустыне, то сразу становится ясно, что речь идет о Слове, исходящем из уст Божиих, и понятно, о каком избавлении от лукавого идет речь. Ведь сам Иисус был соблазнен лукавым в пустыне, но не соблазнен, когда тот призывал превратить камни в хлебы. Соблазн в том, что хлеб земной искушитель пытался подсунуть вместо хлеба Небесного. Эту мысль Спаситель продолжил далее в Нагорной проповеди:

Не заботьтесь для души вашей,
Что вам есть и что пить,
Ни для тела вашего,
Во что одеться.
Душа не больше ли пищи,
И тело – одежды?
Взгляните на птиц небесных:
Они не сеют, не жнут,
Не собирают в житницы;
И Отец наш Небесный питает их.
Вы не гораздо ли лучше их?..
Итак, не заботьтесь и не говорите:
«Что нам есть?» и «что пить?» или: «во что одеться?»
...Ищите же прежде Царства Божия
И правды Его,
И это все приложится вам.
Когда же настал вечер,
Он возлег с двенадцатью учениками...
И когда они ели,

Иисус взял хлеб
И, благословив, преломил
И, раздавая ученикам, сказал:
Приимите, ядите,
Сие есть Тело Мое.
И, взяв чашу и благодарив,
Подал им и сказал:
Пейте из нее все;
Ибо сие есть Кровь Моя
Нового Завета,
За многих изливаемая
Во оставление грехов.
Сказываю же вам,
Что отныне не буду пить
От плода сего виноградного
До того дня,
Когда буду пить с вами новое вино
В Царстве Отца Моего.
И показал мне чистую реку воды жизни,
Светлую, как кристалл,
Исходящую от престола Бога и Агнца.
Среди улиц его,
И по ту и по другую сторону реки,
Древо жизни,
Двенадцать раз приносящее плоды,
Дающее на каждый месяц плод свой;
И листья дерева – для исцеления народов.
Приидите, пиво прием новое,
Не от камени неплодна чудодеемое,
Но нетления источник,
Из гроба одождивша Христа,
В Нем же утверждаемся.

Поэма Иисуса о хлебе Небесном до конца еще не прочитана. Ее продолжил и озвучил св. Иоанн Богослов на острове Патмос. Она гениально инсценирована в православных литургиях св. Василия Великого. Ее завершил образом пасхального пира в Слове на Пасху св. Иоанн Златоуст:

Телец упитан. Стол накрыт,
Всякий приди и ешь,
Кто постился и не постился,
Христос воскрес,
И нет ни одного мертвого во гробах.

ПОЭМА О БЛАЖЕННЫХ

Нагорная проповедь Христа состоит из нескольких вполне завершенных поэм. Возможно, что Господь творил их в момент высказывания, но и в этом случае в его текстах использовано множество фольклорных образов, пословиц, библейских реминисценций и даже прямых цитат из Ветхого Завета. Кроме того, есть множество скрытых и открытых цитат и реминисценций из рукописей Мертвого моря. Эти тексты кумранитов были обнаружены лишь в середине двадцатого века и до сих пор полностью не расшифрованы. Таким образом, нет ни малейшего сомнения, что Иисус творил свои божественные тексты по литературным традициям и законам Древнего мира. Естественно предположить, что на гору он взошел с уже готовыми текстами, созданными во время сорокадневного поста в пустыне.

Заповеди блаженства по ритмической и образной структуре – это стихи в современном смысле этого слова. Ритмический и смысловой повтор в начале каждого нового двуступища не оставляет сомнений в поэтической природе этих великих слов.

1. Блаженны нищие духом,
Ибо их есть Царство Небесное.
2. Блаженны плачущие,
Ибо они утешатся.
3. Блаженны, кроткие,
Ибо они наследуют землю.
4. Блаженны алчущие и жаждущие правды,
Ибо они насытятся.
5. Блаженны милостивые,
Ибо они помилованы будут.
6. Блаженны чистые сердцем,
Ибо они Бога узрят.
7. Блаженны миротворцы,
Ибо они будут наречены Сынами Божиими.
8. Блаженны изгнанные за правду,
Ибо их есть Царство Небесное.
9. Блаженны вы, когда будут поносить вас
И гнать и всячески несправедливо злословить За Меня.
10. Радуйтесь и веселитесь,
Ибо велика ваша награда на небесах:
Так гнали и пророков, бывших прежде вас.
11. Вы – соль земли.
Если же соль потеряет силу,

То чем сделаешь ее соленою?
Она уже ни к чему негодна,
Как разве выбросить ее вон
На поприще людям.

12. Вы – свет мира.
Не может укрыться город,
Стоящий на верху горы.

13. И зажегши свечу,
Не ставят ее под сосудом,
Но на подсвечнике,
И светит всем в доме.

14. Так да светит свет ваш
Пред людьми,
Чтобы они видели
Ваши добрые дела
И прославляли Отца вашего Небесного.

Уже первый стих о нищих духом поражает своей оригинальностью и глубиной. Нищие, бедные во все времена вызвали двойственные чувства. С одной стороны, их опасались, избегали и презирали. С другой – само слово «убогие» означает, что они у Бога. Количество нищих в Древнем мире было громадно. Не сохранилось какой-то статистики, но ясно, что каждый мало-мальски состоятельный человек считал своим долгом одаривать множество бездомных странников. Нищета, как особый Божий удел, всегда почиталась на Востоке. Однако Иисус создает совершенно новый образ нищеты. Как всегда, он обращается к обыденному, земному и мгновенно преображает его, перенося в план духовный. «Нищие духом» – те, кто ощущают себя перед Богом духовно нищими и жаждут духовного подаяния. В Ветхом Завете очень часто говорится о необходимости заботы о нищих, но нигде нет слов о нищете как о возвышенном, божественном чувстве.

Стих о плачущих, которые утешатся, сразу сменяет привычные земные ориентиры. Земной плач и земные страдания имеют особый смысл. Плачущие утешатся. Все попытки свести проповедь Христа к буддизму и индуизму бессмысленны. Буддизм стремится избавиться от страданий и выйти из цепи перерождений. Иисус высоко ценит плач и страдания в земной жизни. В Царствии Небесном это великое утешение. «И отрет Бог всякую слезу со щеки их», – восклицает Иоанн в Апокалипсисе. Утешение человека Богом – это абсолютно новый образ. Он варьировался на все лады в средневековых проповедях, где восклицалось: «Плачущие уже утешены!» Заповеди блаженства произносятся лишь в начале проповеднической деятельности за три года до распятия и воскресения, поэтому здесь говорится в будущем времени – «утешатся». Это вовсе не означает, что утешение ждет лишь после Страшного суда или в загробной жизни. Утешение Божие следует немедленно, уже в момент плача, потому что Царствие Небесное существует не только в будущем, но здесь и сейчас. Прежде всего сейчас и здесь. В этом принципиальное отличие всего, что говорил Иисус, от всего, что говорилось пророками до него. Пророки прежде всего говорят о будущем. Иисус утверждает, что будущее уже свершилось. Осужденный уже осужден, оправданный уже оправдан. В этом его полемика и с фарисеями, и с кумранитами. Фарисеи и кумраниты ждут прихода Мессии. Иисус знает, что Мессия уже пришел. «Свершилось!» – восклицает он на кресте. Ибо для него самого, совмещающего в единстве человеческое и божественное, было большим открытием, что Спаситель именно он, что ему предстоит испить всю чашу страданий за род человеческий.

Обращение к плачущим – это еще и лирическая исповедь Иисуса. Утешение плачущих – только в Боге, то есть только в себе, поскольку Бог не во внешнем мире, а в душе человека. Так, и только так, во время сорокадневного поста Иисус обретает в себе Сына Божия и, более того, додумывается до неизреченной тайны, что Сын и Отец – это единое существо.

Здесь мы соприкасаемся с тайной, до которой не мог дойти ни один из людей, кроме Богочеловека Иисуса Христа. Но пока еще тайна сия не высказана. Она лишь угадывается. Если бы Иисус был только человеком, я бы сказал, что здесь мы присутствуем при рождении величайшего поэтического образа Сын и Отец – одно. Никто из пророков ни прямо, ни косвенно об этом не говорил. Есть, правда, ветхозаветное высказывание: «Сказал Господь Господу своему: сядь одесную меня». Это потом было истолковано как обращение единосущного Бога-Отца к единосущному Сыну Иисусу.

Даже в момент Крещения, предшествующий Нагорной проповеди, только Иоанн Креститель и сам Иисус слышат глас с неба: «Сей есть Сын Мой Возлюбленный, в Котором Мое благоволение». Святой Дух при этом снисходит на Господа Иисуса в виде голубя. И еще никому не раскрыта тайна, что Бог-Отец, чей голос слышен с небес, Святой Дух в виде голубя и сам Иисус, принимающий Крещение в Иордане, – это один Бог Троица Единосущная и Нераздельная. О Святом Духе сказано уже в первой заповеди блаженства: «Блаженны нищие духом», но еще не раскрыта полная глубина высказывания. Совсем не случайно во второй заповеди блаженства говорится об утешении. Здесь предсказан момент, когда перед Вознесением Иисус

пообещает ученикам, что не оставит их одних, но пошлет им Духа Утешителя. Таким образом, Святой Дух назван Иисусом еще и Духом Утешителем.

Значит, в пустыне рядом с Иисусом были два: Духа-Искуситель и Утешитель. Одного он отверг, в другом узнал самого себя. Не один Иисус был в пустыне, но один в трех лицах, потому и выстоял против одного.

Третья заповедь – о кротких, наследующих землю, – переворачивает все земные представления о праве сильного и борьбе за существование, которые бытовали в те далекие времена, хотя и не имели той силы, какую обрели в последние три столетия. Казалось бы, по жестоким земным законам землю наследуют прежде всего самоуверенные и сильные. Древнеримская языческая религия дожила до наших дней в виде дарвинизма, марксизма и ницшеанства. Она зиждется на праве сильного, на воспевании борьбы между людьми, классами, расами и даже биологическими видами. Считалось во все времена, что выживает сильнейший. Иисус первый в этом ареале культуры объявил сильнейшими кротких. И это удивительным образом соответствует данным современной науки. Например, в мире животных выживают и наследуют землю те виды, у которых больше всего развита взаимопомощь, забота о детенышах и престарелых и защита сильным слабого.

Надо признать, что в христианском ареале культуры за два тысячелетия только однажды, а именно в двадцатом веке, был проведен социальный эксперимент с целью опровергнуть заповедь о кротости как наивысшей силе. В Германии это был Третий рейх Гитлера, в России – построение социализма. И то, и другое закончилось полным крахом, хотя и оставило выжженную пустыню в душах миллионов людей. В этой пустыне никогда не постился Иисус. Здесь полностью властвует Дух Искуситель. Здесь живы его заповеди: падающего – толкни, «добро должно быть с кулаками» или, как безграмотно было переведено с немецкого издания Маркса, «борьба борьбуется борьбою». Последний фильм, где кротость еще считается высшей силой, – это экранизация «Идиота» Достоевского Акиры Куросавы. Кротость как нечто, присущее человеку, озаренному Святым Духом Утешителем, – главная черта героев русской литературы и древнерусских житийных повестей. Первые русские святые Борис и Глеб предпочли принять смерть, но не подняли меч на своего брата. Труднее всего кротость проникает в поэзию. И в самом деле, что же можно сказать нового после заповеди Иисуса «блаженны кроткие, ибо они наследуют землю». Иисус впервые возвестил миру, что в кротости есть высшая сила. И он же предсказал неизбежную и полную победу кротких по всей земле.

Для тех, кто настроен скептически и не верит в грядущую победу добра, заповеди о богатстве нищих духом, об утешении плачущих и о наследовании земли кроткими могут и должны стать ярчайшими поэтическими образами, перед которыми меркнут битвы мускулистых бойцов Гомера.

ПОЭМА О БЛАЖЕННЫХ II (АЛЧУЩИЕ ПРАВДЫ, ЧИСТЫЕ СЕРДЦЕМ, МИРОТВОРЦЫ, СВЕТ МИРА И СОЛЬ ЗЕМЛИ)

Духовный пир – любимая тема античной литературы со времен Платона, написавшего «Пир» в память о своем учителе Сократе. Но там, где есть пир, есть и голод, и жажда. «Духовной жаждою томим, в пустыне мрачной я влачился...» – написал Пушкин в своем «Пророке», пронизанном библейской символикой. И опять же не случайно после поста в пустыне, а скорее всего, во время поста возникли у Иисуса строки: «Блаженны алчущие и жаждущие правды, ибо они насытятся». Кто был в израильской, восточной пустыне даже не сорок, а хотя бы один день, тот знает, что такое голод и жажда. Именно так – вместе. Последнее слово Иисуса на кресте: «Жажду». Голод и жажда – два постоянных спутника всякого странника. А Иисус изначально выбрал страннический удел. «У птицы есть гнездо, а Сыну Человеческому негде преклонить голову», – восклицает он с горечью, когда апостолы не могут найти ночлега. Однако Спаситель обладает удивительным свойством находить высший, божественный смысл даже в самых суровых и самых неприглядных сторонах жизни. Он переводит земную жажду и земной голод в высший, небесный план, находя аналог этим жизненным страстям в духовном влечении человека к правде. Правду надо алкать и жаждать, только тогда насытишься. Есть египетская сказка «О Правде и Кривде», которую Христос, конечно же, знал с детства. Правда жалуется Кривде, что всюду она на земле гонима. А Кривда похвально себя своими очевидными для всех победами. Этот мотив звучит в знаменитом 66-м сонете Шекспира:

Зову я смерть. Мне видеть нестерпим
Достоинство, что просит подаянья,
Над простотой глумящуюся ложь,
Ничтожество в роскошном одеянье...

Шекспир находит утешение в любви к другу:

Все мерзостно, что вижу я вокруг,
Но как тебя покинуть, милый друг!

Очевидный закон земли – торжество неправды – извечная поэтическая тема. Банальное решение проблемы – конечное торжество справедливости и победа добра над злом. Второй исход, скорбный, часто звучит в Ветхом Завете: книга Иова, книга Екклесиаста (древнееврейский вариант сказки о засилии Кривды). Иисусу абсолютно чужды и простые нравоучительные решения, и скорбная безысходность. В своей богочеловеческой воплощенной ипостаси он прежде всего поэт. И решение его в равной мере божественное и поэтическое. Он никому не обещает утоление земного голода и земной жажды. Более того, он усиливает эти чувства, переводя их в духовный план. Но и здесь насыщения не предвидится. Ведь насытятся именно алчущие и жаждущие. Значит, надо постоянно алкать и постоянно испытывать жажду. Духовное насыщение – это и есть чувство голода и жажды. Только тут становится ясным, для чего Господу, воплотившемуся в человека, нужен был сорокадневный пост. Он постоянно напоминал о чувстве духовного голода и духовной жажды, которые должен испытывать человек, стремящийся приблизиться к Господу, стать Его Сыном, подражая Христу.

Ключевая заповедь «блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят» напрямую связана с таинством Крещения – омовения, только что принятого Иисусом в водах Иордана от Иоанна

Крестителя. Для окружающих это выглядит как внешнее омовение тела. Но Иисус и Иоанн Креститель видели при этом, как на Христа сошел Святой Дух в виде голубя. Это означает, что именно с этого момента Иисус, осознавший себя Сыном Бога еще в пустыне, ощутил триипостасное единство и узрел в себе Бога.

Но если даже Богочеловеку нужно было пройти и пост, и Крещение, чтобы узреть Себя – Господа, то куда более Крещение – омовение с благодатным схождение Святого Духа – необходимо человеку, дабы он мог увидеть Бога в сердце своем.

На Востоке с его постоянным дефицитом воды и с постоянным присутствием физической грязи омовение, очищение – постоянная необходимость. Чтобы разглядеть, увидеть воочию любой предмет, его надо сначала очистить от серой пыли пустыни, пронизывающей все и вся. Сердце – это как бы прозрачный сосуд, внутри которого можно увидеть Бога. Но сосуд должен быть чистым, омытым Крещением. «Я крещу вас в воде в покаяние, но Идущий за мною сильнее меня... Он будет крестить вас Духом Святым и огнем», – восклицает Иоанн Креститель, предвидя скорый приход Христа.

Теперь, после очищения сердца Святым Крещением, Иисус впервые возвещает миру вслух тайну божественного усыновления. «Блаженны миротворцы, ибо они будут наречены Сынами Божиими». Здесь до удивления точно. Иисус является нареченным сыном Иосифа, но на самом деле он Бог и Сын Божий в одном лице. По аналогии с этой ситуацией он обещает миротворцам, что они будут «наречены» Сынами Божиими. Совершенный человек, миротворец может стать нареченным Сыном Господа. До таких высот человека не поднимал до Иисуса никто. Только он, с чувством земного и небесного сиротства, мог прийти к мысли об усыновлении Господом всех небесных сирот, людей, в своем небесном отечестве.

Однако все эти совершенства (богатство духом, небесное утешение плачем, кротость, милость, чистота сердца, миротворчество) неизбежно делают человека гонимым. Поэтому далее следуют две заповеди о блаженстве гонимых и предаваемых поруганию ради Царствия Божия и за имя Иисуса. «Радуйтесь и веселитесь, – восклицает Иисус, – ибо велика ваша награда на небесах». Речь здесь идет опять же не о будущем времени и не о загробном мире, а о Царствии Божием, которое уже здесь и сейчас, «внутри вас». Правда, об этом Иисус скажет позже. Здесь он просто говорит о великой награде на небесах. Небеса становятся зримым образом неких, духовных богатств, которые все заключены в человеке, в его сердце, в его душе.

Это настолько отличается от закрепившегося в современном сознании образа космоса, что требует более пристального прозрения. Все небесные сокровища, даже сам Бог – в человеческом сердце. Никакие телескопы, которые будут изобретены тысяча пятьсот лет спустя, не откроют нам ту вселенную, которую увидел Иисус. У этой вселенной столько центров, сколько сердец человеческих, и все эти центры – Единый Бог. Небо – Царствие Небесное – не над нами, не вдали от нас и не в будущей жизни, а внутри нас. Чем ближе к себе, тем дальше от законов природы и общества. «Царство Мое не от мира сего». Именно в этом смысле следует понимать слова Иисуса: «Не любите мира, ни того, что в мире». Удаляясь от природы и общества, человек все более приближается к себе, становится нареченным Сыном Божиим.

О тех, кто обрел подобное совершенство, Иисус говорит: «Вы – соль земли... Вы – свет мира». Но свет не для укрытия в пещерах и скалах, а для людей. Зажегши свечу, не ставят ее под настил. Не может укрыться праведник – город на верху горы. Поэтому свет для всех. Как позднее восклицал поэт: «Светить всегда, светить везде, до дней последних донца... Вот лозунг мой – и солнца!»

Иисус часто сравнивает себя в ипостаси Бога-Отца с солнцем, посылающим свет на праведных и неправедных. Здесь же, минуя небесное солнце, он прямо говорит об Отце Небесном. «Так да светит свет ваш пред людьми, чтобы они видели ваши добрые дела и прославляли Отца вашего Небесного». Тайна о небесном усыновлении и о путях к нему открыта. Сказано все, чтобы достичь Царства Божия здесь и сейчас, в своем сердце, уподобясь автору великой поэмы, стать нареченными детьми Господа. Хотя сам Иисус Сын Бога не нареченный, а истинный. И он же сам Бог и Дух Святой. Но эта тайна полностью раскроется ему в молитвенной поэме о чаше в Гефсиманском саду, которую он создаст в час духовного томления, когда апостолы будут спать, а он молиться. Предал Иуда. Уже приближается стража. А Иисус страдает и томится в Гефсиманском саду вблизи от потока Кедрон, где его скоро схватит стража, приведенная Иудой.

Так возник новый, непредвиденный текст, не совпадающий с восточными представлениями о стойкости великих пророков перед лицом смерти.

Тогда говорит им Иисус:
Душа Моя скорбит смертельно;
Побудьте здесь и бодрствуйте со Мною.
И отошед немного,
Пал на лице Свое,
Молился и говорил:
Отче Мой! если возможно,
Да минует Меня Чаша сия;
Впрочем не как Я хочу,
Но как Ты.
И приходит к ученикам, и находит их спящими,
И говорит Петру:
Так ли не могли вы

Один час бодрствовать со Мною?
Бодрствуйте и молитесь,
Чтобы не впасть в искушение:
Дух бодр, плоть же немощна.
Еще, отошед
В другой раз, молился, говоря:
Отче Мой!
Если не может чаша сия
Миновать Меня,
Чтобы Мне не пить ее,
Да будет воля Твоя.

Здесь снова несомненное авторство Иисуса не только с богословской, религиозной, но и с филологической точки зрения. Ведь молитва о чаше – прямая перефразировка молитвы Иисусовой. И там, и тут обращение к Отцу Небесному. Только в молитве Иисусовой данный для всех «Отче наш», а тут «Отец Мой». Прямая цитата из молитвы Иисусовой – «Да будет воля Твоя».

Перед нами величайшая драма в нескольких строках – итог всех античных трагедий от Эсхила и Софокла до Еврипида. В греческой трагедии герой идет на гибель по воле богов. Но не герою принадлежит решение, как ему поступать. Не он выбирает. Его выбирают боги. Здесь же Бог-Сын молит Бога-Отца об избавлении от мук, «если возможно», и сам принимает решение: «Да будет воля Твоя... Не как Я хочу, но как Ты».

КАКИМ ОН СЕБЯ ВИДЕЛ

Иисус видел себя во многих обликах. Зримый мир был для него не безразличен. Однако мы не найдем в Евангелиях ни одного описания или хотя бы вскользь оброненного высказывания о том, как он выглядел. Рост, цвет глаз и волос, прическа, одежда? Ничего. Даже об Иоанне Предтече мы знаем, что он носил одежду из верблюжьего волоса. А о Спасителе мира евангелисты говорят так, словно он был только слышим, но невидим. Лишь на горе Фавор в момент преображения одежды его стали белы, как снег, а лицо сияло, как солнце. Таким же преображенным видит его любимый ученик Иоанн Богослов в Апокалипсисе. Царь Славы, восседающий на небесном троне в славе и сиянии. Нет ни малейшего сомнения, что и сам Иисус видел себя таким.

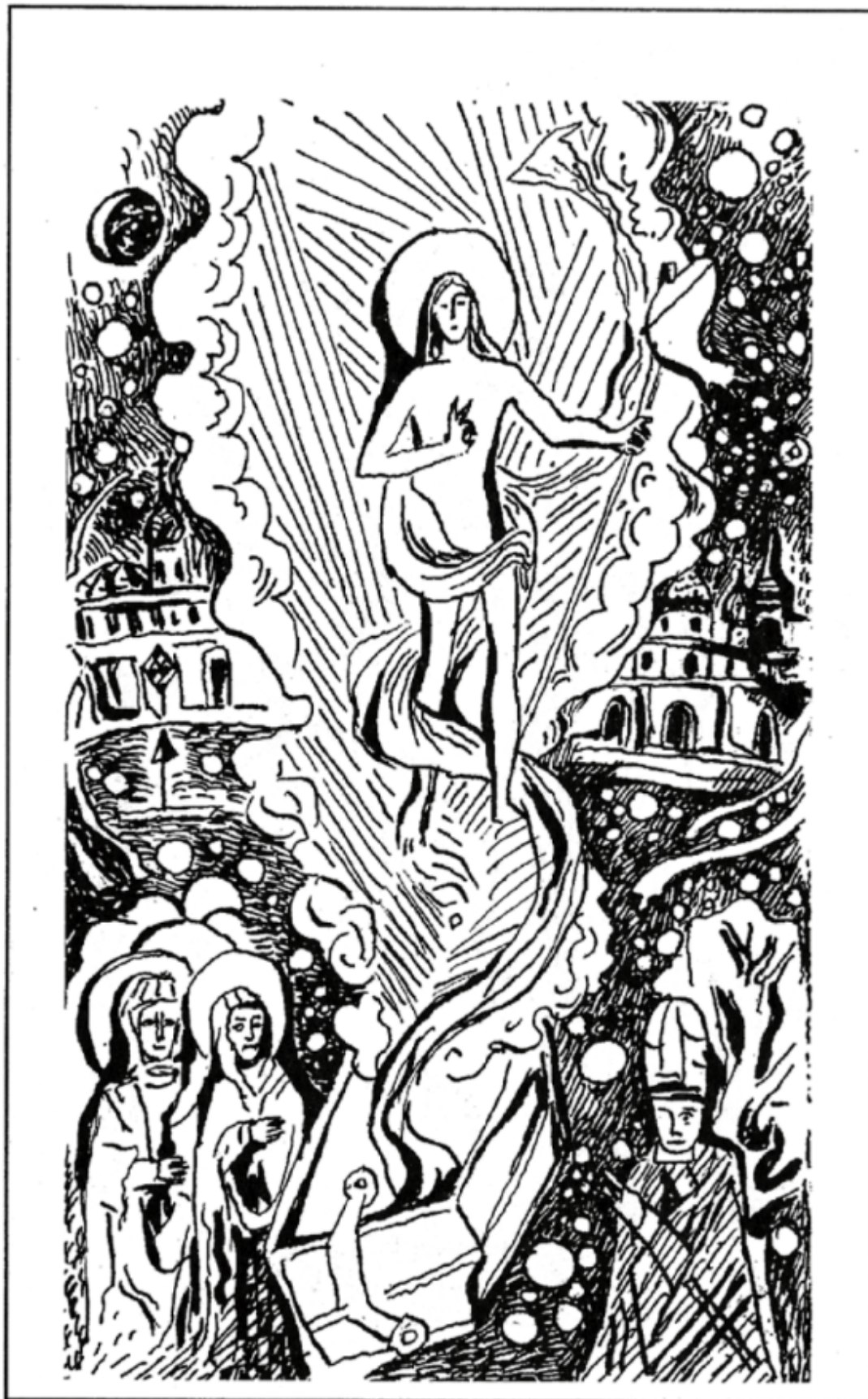
«Когда же придет Сын Человеческий во Славе Своей и все Святые Ангелы с Ним, тогда сядет на престол Славы Своей».

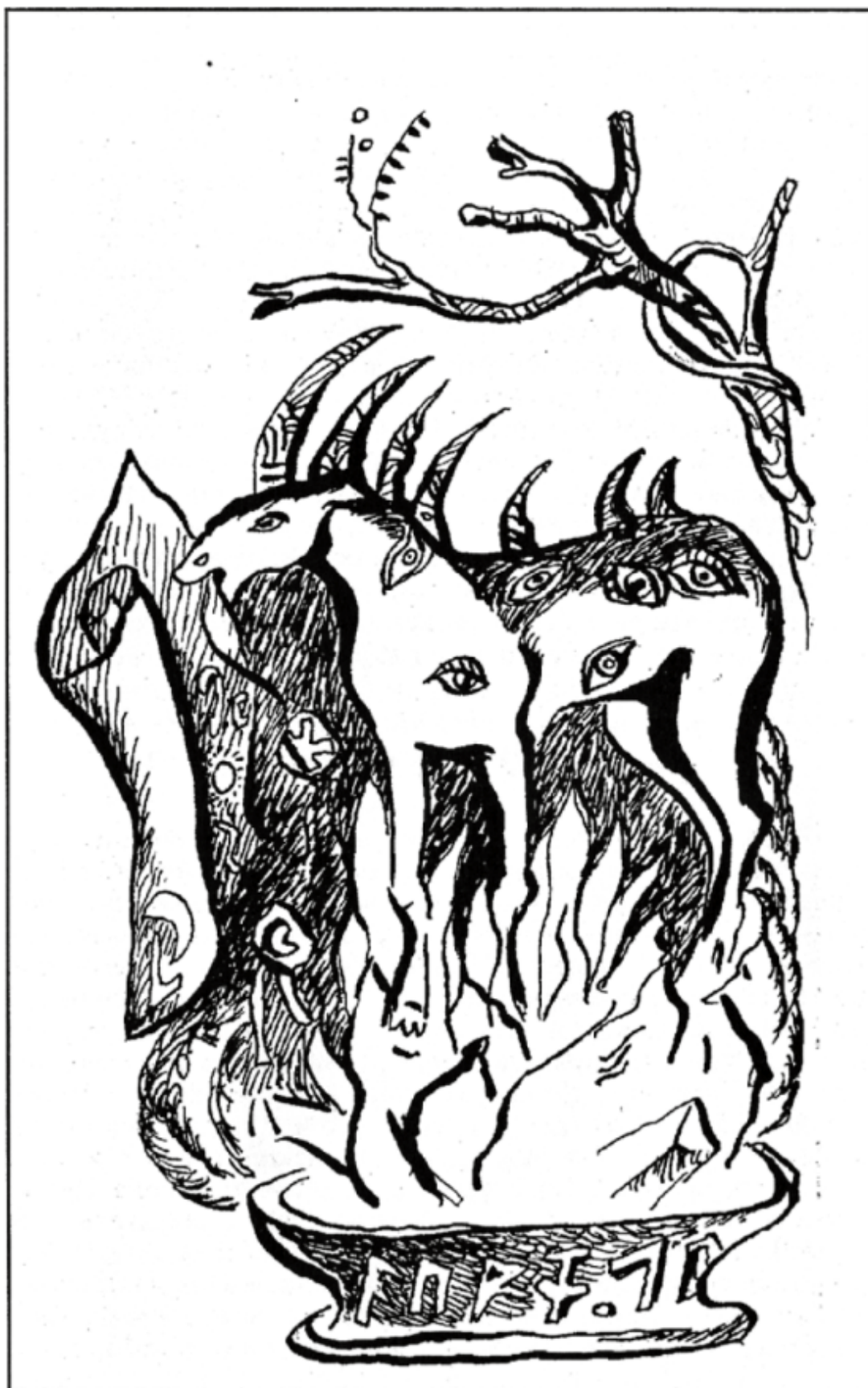
Однако на земле это можно увидеть только духовными очами. И только духовным зрением можно увидеть Царя Славы в облике нагих, больных, бездомных, преследуемых и нищих. Вот гениальная поэма Иисуса о таком узнавании:

Тогда скажет Царь тем,
Которые по правую сторону Его:
Приидите, благословенные Отца Моего,
Наследуйте Царство,
Уготованное вам
От создания мира:
Ибо алкал Я,
И вы дали Мне есть;
Жаждал,
И вы напоили Меня;
Был странником,
И вы приняли Меня;
Был наг,
И вы одели Меня;
Был болен,
И вы посетили Меня;
В темнице был,
И вы пришли ко Мне.
Тогда праведники
Скажут Ему в ответ:
«Господи!
Когда мы видели Тебя алчущим,
И накормили?
Или жаждущим,
И напоили?
Когда мы видели Тебя странником
И приняли?
Или нагим,
И одели?
Когда мы видели Тебя больным,
Или в темнице,

И пришли к Тебе?»
И Царь скажет им в ответ:
«Так, как вы сделали это
Одному из сих братьев Моих меньших,
То сделали Мне».
Тогда скажет и тем,
Которые по левую сторону:
«Идите от Меня, проклятые,
В огонь вечный,
Уготованный диаволу
И ангелам его:
Ибо алкал Я,
И вы не дали Мне есть;
Жаждал, и вы не напоили Меня;
Был странником,
И не приняли Меня;
Был наг,
И не одели Меня;
Болен и в темнице,
И не посетили Меня».
Тогда и они скажут Ему в ответ:
«Господи!
Когда мы видели Тебя алчущим,
Или жаждущим,
Или странником,
Или нагим,
Или больным,
Или в темнице,
И не послужили Тебе?»
Тогда скажет им в ответ:
«Истинно говорю вам:
Так как вы не сделали этого
Одному из сих меньших,
То не сделали Мне».

В этой поэме Иисус написал свой земной портрет: нагой, жаждущий, голодный, бездомный странник, заключенный в тюрьму, больной, нуждающийся в помощи. Это все Иисус, и он же – Царь Славы, восседающий в сиянии на престоле небесном.

Подобной смелости образа не знала мировая поэзия. Возьмем шедевр из шедевров – «Одиссею» Гомера. Боги могли принять на земле облик нищего, странника, старца. Однако это было не более чем маскировка. Никто из гомеровских богов не отождествлял себя с теми, кто нуждается в человеческой защите. Да и в Ветхом Завете мы не найдем ничего похожего на эту поэму. Есть собирательный образ Иова, больного, нищего, обездоленного, бесприютного. Есть множество царей и героев, которые впадают в полное убожество. Царь Саул, обезумевший, бегающий по полям и питающийся травой. Но чтобы сам Господь стал живым воплощением в облике нищих, больных, бродяг и заключенных – такого не было никогда.

Красота и симметрия этой поэмы такова, что запоминается она сразу. Возникает своего рода композиционная рифма. Справа праведники – слева грешники. Справа те, кто накормил, напоил, приютил, одел и посетил Господа в больнице и в тюрьме. Слева те, кто не сделал этого – не накормил голодного, не напоил жаждущего, не посетил болящего, не навестил узника. Бог голодный, жаждущий, нагой, бесприютный, болящий и заключенный в тюрьму – этот образ принадлежит Иисусу, и только ему. Бог не маскируется, не меняет свой облик до неузнаваемости. Он полностью воплощен в этих людях именно благодаря их убожеству на земле. Столь неожиданный взгляд на вещи был совершенно не свойствен человечеству до Христа. Все дважды перечисленные в поэме лики Христа в облике гонимых на земле людей – это еще не всё. Самый любимый образ человека, которого надо пригреть, накормить и одеть, – это прокаженный, лежащий у дороги. Иисус действительно любит всех, кого презирает мир. Он любит их именно в земном, человеческом облике, потому что узнает в них Господа – самого себя. И действительно, все движение евангельского сюжета сходится к точке на Голгофе, где совершилось распятие, и апостолы воочию увидели Господа узником и не посетили его, жаждущим на кресте, и не напоили его, нагим, и не могли одеть его, разбежались, скрылись и отреклись все, кроме Иоанна – автора Апокалипсиса и любимого ученика.

Разумеется, реальный суд Господа отличается от суда поэтического. Иисус не послал отрекшихся апостолов наследовать муку вечную, а всех простил, простил даже своих палачей – «не ведают бо, что творят». Простил даже бандита, раскаявшегося в последний момент перед гибелью. Ни одно слово Иисуса не предназначено для буквального, непоэтического прочтения. Все, что он говорит, – это земная притча о Царствии Небесном, откровение Божие, то есть поэзия.

ПОЭМА О ВОСКРЕСЕНИИ

Восток трудно удивить самим фактом воскресения из мертвых. Воскресшими считались многие люди после долгого обморока, и после летаргического сна, и после гипнотического оцепенения. Возможно, именно этим объясняется навязчивое желание многих объяснить воскресение из мертвых теми или иными естественными причинами. Не исключено, например, что в губке, насыщенной уксусом, которую римские воины поднесли к устам Спасителя, находился сильный обезболивающий наркотик, который и прервал мучения на кресте, ввергнув Иисуса в оцепенение, похожее на смерть. Это мог сделать все тот же богатый и влиятельный Иосиф Аримафейский, в чьем саду был похоронен распятый Спаситель, или член синедриона Никодим. Все знают, что страже достаточно хорошо заплатить – и она пойдет на все. Тем более что настоятельная просьба к Пилату позволить снять Иисуса с креста, перебив ему голени, отмечена и евангелистами. Говорят они вполне определенно и о беспокойстве, которое возникло в кругах высшего духовенства в связи с тем, что просьба была исполнена Пилатом. Враги Иисуса заподозрили, что здесь возможен заговор, при котором ученики выкрадут тело Учителя, а потом скажут, что он воскрес. О губке с подмешанным наркотическим веществом они ничего не знали и не сомневались, что Иисус мертв. Не сомневались в этом и апостолы, и сам Иосиф Аримафейский, погребавший Христа. Он просто хотел облегчить муки Спасителя на кресте, вовсе не помышляя, что после такой свирепой казни и прободения копьем Иисус мог остаться живым.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.